

ГЛАВА III.

ПЕРИОД РОСТА:

ВРЕМЯ ДВОРЯНСКОЙ МОНАРХИИ

3.1. ПРУССКИЙ ОБРАЗЕЦ

Как отмечалось выше, к правлению Елизаветы Петровны относится новая волна европейского диффузионного влияния. Эпицентром этой новой волны и новым образцом для подражания была Пруссия.

Для того чтобы проанализировать сущность прусской монархии 1740-х годов, нам придется вернуться назад — к преобразованиям Петра Великого. Русская армия была создана в подражание победоносной шведской армии, а победа над шведами сделала ее, в свою очередь, образцом для подражания. Оказалось, что российские инновации также могут распространяться путем диффузии. В первую очередь заимствовался принцип всеобщей рекрутской повинности: в 1722 году рекрутская повинность была введена в Австрии, а в 1733 году — в Пруссии. Король Пруссии Фридрих Вильгельм I (1713–1740) был личным другом Петра, восхищался им и подражал грубоватым манерам русского царя¹. Он не только ввел рекрутскую повинность, но и заимствовал принцип обязательной службы дворянства. Правда, формально эта обязанность не была утверждена законом, но король сумел создать такое положение, при котором служба стала моральным долгом дворян, «делом чести». Сыновья прусских юнкеров уже детьми отправлялись в кадетские школы либо (как в России) поступали прямо в полк, начиная службу с нижних чинов. Если недворянин покупал дворянское поместье (что, впрочем, бывало редко), его сыновья также должны были идти на службу².

Далее, находясь под двойным влиянием России и Швеции, Фридрих Вильгельм I заимствовал идею военизированного «регулярного государства» и приложил все силы для претворения ее в жизнь. Вся жизнь в Пруссии регулировалась многочисленными регламентами и инструкциями. «Фридрих Вильгельм I довел самодержавную форму правления до высшей степени развития, — пишет В. Фенор. — Пруссия выглядела тогда так: правительство, Генеральное управление, находилось тогда в Берлине и работало так, что только щепки летели. Обо всем, о самой последней мелочи, докладывали королю, обычно находившемуся в Потсдаме или Вустерхаузене. Там он все решал са-

мостоятельно и отдавал распоряжения готовить указы, разлетавшиеся затем по всей стране, как гром и молния. Для всех король был образцом усердия и эталоном рабочего ритма. А „внизу“ все было в постоянном движении: министры говорили, офицеры муштровали, солдаты брали на караул, бюргеры производили товары, а крестьяне работали на полях и стройках. Все государство двигалось, как батальон на парадном плацу»³. «Он являлся... первым в истории социалистом государственного масштаба», — добавляет В. Фенор⁴; именно Фридрих Вильгельм I положил начало доктрине прусского государственного социализма, на которую позже ссылался Бисмарк.

При всеобщей регламентации частного сектора экономики Фридрих Вильгельм I делал ставку на государственный сектор: государству принадлежали 35% сельскохозяйственных угодий, многочисленные мануфактуры и торговые заведения. В соответствии с меркантилистской теорией иностранные товары были обложены высокими таможенными пошлинами. Это помогло решить финансовую проблему: за время правления Фридриха Вильгельма государственные доходы возросли вдвое. Король признавал традиционный принцип сословности — но каждое сословие должно было трудиться на благо государства. Дворяне должны были быть прилежными офицерами, им запрещалось пить вино, играть в карты, делать долги; жалованье было очень скромным. Торговля и ремесла были делом бюргеров, сельскохозяйственные занятия — делом крестьян; ни одно сословие не должно было заниматься несвойственными ему делами. Вместе с тем король старался защитить крестьян, традиционно находившихся на положении крепостных, и ограничил применение телесных наказаний помещиками⁵.

В соответствии с теорией военной революции Фридрих Вильгельм I построил милитаризованное государство, главным компонентом которого была армия. Первым и главным регламентом «регулярного государства» был подробный военный устав, который был принят в Пруссии в 1714 году. За время правления короля прусская армия увеличилась с 30 до 75 тыс. человек. Маленькая Пруссия стала одним из сильнейших государств Европы; под ружьем находилось 3% населения страны (как отмечалось выше, в России при Петре I эта цифра составляла 1,6%; в других «великих державах» она была существенно меньше). Армия поглощала 2/3 доходов государства, для того чтобы сократить остальные расходы, был введен режим всеобщей экономии⁶. Король постоянно носил военную форму и самолично занимался обучением солдат, всю первую половину дня он проводил на вахтпарадах. Именно Фридрих Вильгельм I ввел

знаменитую «прусскую муштру» — как оказалось, это был необходимый элемент линейной тактики. Доведенный до автоматизма процесс заряжания позволил прусскому солдату делать 5 выстрелов в минуту, в то время как солдаты других армий производили лишь 2–3 выстрела. Это дало возможность уменьшить глубину строя до 3 шеренги, соответственно, увеличить длину линии. Другим преимуществом, приобретенным муштрой, была способность быстро разворачиваться из походных колонн в боевой порядок. При линейной тактике такие перестроения были довольно сложным процессом, и другие армии стремились развернуться и занять позиции заблаговременно до подхода противника. Прусская армия умела перестраиваться непосредственно на поле боя; это позволяло ей маневрировать и заходить во фланг противника⁷.

Еще одной особенностью прусской армии была система «флигельманов» и «флигель-рот». Массовые армии комплектовались подневольными рекрутами и ненадежными наемниками, поэтому дезертирство было их большим местом. Для предотвращения дезертирства пруссаки ставили на края взводной шеренги специальных надсмотрщиков-«флигельманов», которые убивали бегущих; фланги полка занимали особые «флигель-роты». Зажатые флигельротами прусские солдаты не помышляли о бегстве и сражались до последнего⁸. «Идя вперед, мой солдат наполовину рискует жизнью, идя назад, он теряет ее наверняка», — говорил Фридрих II⁹. Дисциплина и порядок в условиях изнурительной муштры поддерживались с помощью палки; офицеры и унтер-офицеры носили трость, которой избивали солдат за малейшую ошибку. Фридрих Вильгельм I (так же, как Петр I) тоже носил трость, которую постоянно пускал в ход, не разбирая, кто перед ним — простолюдин или благородный¹⁰.

Нужно отметить, однако, что палочная дисциплина не была самоцелью, а диктовалась военной целесообразностью. Исходя из той же целесообразности, Фридрих Вильгельм I заботился, чтобы солдаты были всегда сыты и хорошо одеты; он существенно усовершенствовал систему материального снабжения армии. «Король-солдат» распорядился, чтобы солдат учили читать и писать; он учредил приюты для солдатских детей¹¹.

Дисциплина и порядок, царившие в прусской армии, обратили на себя внимание задолго до громких побед Фридриха II. Австрийский граф Зекендорф писал из Берлина Евгению Савойскому о впечатляющих «красоте и порядке» прусских войск, о превосходном состоянии полков, ружей и амуниции, о прусской дисциплине¹². Армии соседних государств пытались перенять прусский порядок: в 1732 году

во Франции, а в 1737 году в Австрии были приняты военные уставы, подобные прусским. Как отмечалось выше, фельдмаршал Миних также многое заимствовал у пруссаков.

Наследник Фридриха Вильгельма, Фридрих II (1740–1786), продолжал военные реформы и приложил значительные усилия к совершенствованию прусской кавалерии и артиллерии. Кавалерия прежде придерживалась традиционной французской тактики: при приближении к противнику она останавливалась и делала залп из пистолетов, а затем уходила назад перезаряжать оружие. Фридрих II, следуя примеру шведов, перешел к тактике быстрой атаки сомкнутым строем с применением исключительно холодного оружия; при такой атаке кавалерия опрокидывала противника, главным образом, своей массой¹³. Наибольшие успехи были достигнуты в совершенствовании артиллерии. Введенные Фридрихом II новые артиллерийские системы были намного легче и маневреннее прежних. Облегчение орудий было достигнуто за счет нового технологического приема, впервые примененного мастером Келлером из Касселя: Келлер стал отливать бронзовые орудия «глухими» и затем высверливать канал ствола с помощью мощной сверлильной машины (ранее канал отливался вместе с орудием, что уменьшало прочность стенок). В 1733 году прусские 3-фунтовые полковые пушки весили 22 пуда; к 1745 году их вес сократился до 8,5 пуда. Вес 6-фунтовых пушек уменьшился с 43 до 14,1 пуда, и это позволило заменить в некоторых полках 3-фунтовые пушки 6-фунтовыми. Создание новой прусской артиллерии стало толчком к аналогичным преобразованиям в других странах¹⁴.

В то время как Фридрих Вильгельм I был относительно миролюбив, его сын Фридрих II стремился использовать возросшую военную силу Пруссии для расширения ее территории. Прусская армия добилась громкой славы своими победами в войне за австрийское наследство (1740–1748) и в Семилетней войне (1756–1763). Фридрих II использовал преимущества прусской муштры и громил превосходящего противника, заходя ему во фланг. В период Семилетней войны Фридриху II приходилось сражаться с численно подавляющими силами трех великих держав, Австрии, Франции и России. Тем не менее прусский король одержал знаменитые победы над французами при Россбахе, над австрийцами при Лейтене и над русскими при Цорндорфе. Несмотря на отдельные неудачи (как в битве при Кунерсдорфе), преимущества прусской армии были очевидны для генералов и политиков европейских держав. Военные победы породили волну перенимания прусских порядков — не только военных, но и государственных.

Реформы «короля-философа» Фридриха II создали из Пруссии образец просвещенной монархии и «регулярного государства», о котором мечтал Петр I. В 1740-х годах под руководством канцлера Коччеги была создана строго иерархичная и правильно функционирующая административная система, введены постоянные ревизии, новые чиновники стали получать втрое большие оклады и уже не брали взятки. Пруссия была единственной страной в Европе, в которой существовали экзамены для претендентов на чиновничьи должности, и продвижение по служебной лестнице зависело не от знатности, а от заслуг и таланта. Вся деятельность чиновничества была подчинена четкой и мелочной системе предписаний; в 1749 году Коччеги по плану Фридриха закончил составление нового свода законов «*Cognus juris Fridericianum*», который должен был стать основой «регулярного государства». Было введено независимое судопроизводство и запрещены пытки; провозглашалась свобода вероисповедания. Каждому сословию было определено свое место: офицерский корпус комплектовался исключительно из дворян-«рыцарей», для которых военная служба была нравственным долгом. Для поддержания дворянского сословия было создано несколько Дворянских банков, обеспечивавших дешевый кредит. Чиновникам недворянского происхождения запрещалось покупать рыцарские имения; дворянству, в свою очередь, запрещалось заниматься торговлей и промыслами¹⁵.

Хотя король много говорил об «общем благе», построенное на основе средневекового германского общества прусское «регулярное государство» носило сословный характер. Дворянство выступало в качестве привилегированного сословия; дворяне были полными господами в своих поместьях. Несмотря на официальный запрет, дворяне отнимали у крестьян надель и расширяли фольварки; Фридрих II, как мог, боролся с этой практикой и в 1763 году отменил крепостное право в одной из прусских провинций, в Померании. «Среди всяческих разновидностей жизненного жребия, — писал король, — бесспорно наиболее злосчастным и трогательным человеческое сердце является удел крестьянина, принадлежащего земле и ставшего холопом дворянина. Разумеется, ни один человек не рождается для того, чтобы быть рабом себе подобного».

Реальное прусское государство далеко не соответствовало идеалам «короля-философа» — тем не менее именно эта фридриховская Пруссия стала примером для монархов Европы. Громкие военные победы Фридриха Великого породили в Европе волну трансформации по прусскому образцу. Первым государством, приступившим

к этой трансформации была Австрия, потерпевшая от пруссаков жестокое поражение в войне за австрийское наследство.

В начале 1750-х годов императрица Мария Терезия предприняла решительные шаги для реформирования своей армии. Было уделено особое внимание обучению пехоты, кавалерия стала атаковать так же, как прусская, в сомкнутом строю. Генерал-фельдцейхмейстер князь Лихтенштейн провел реформу австрийской артиллерии и принял на вооружение облегченные и стандартизированные артиллерийские системы. Зарядные ящики были приспособлены для перевозки артиллерийской прислуги — австрийская артиллерия стала «ездящей», а следовательно, более мобильной¹⁶.

После Семилетней войны сфера реформ расширилась. Для содержания армии был введен подоходный налог, который собирало непосредственно венское правительство; казна получила в распоряжение большие средства и избавилась от опеки сеймов. Новый налог распространялся также и на дворянство, которое утратило налоговые и судебные привилегии. Принимались меры по развитию государственного сектора: было построено большое количество государственных мануфактур; в соответствии с теорией меркантилизма национальная промышленность была защищена от иностранной конкуренции 60-процентными ввозными пошлинами, вывоз сырья запрещался.

Крестьянское восстание в Чехии в 1775 году побудило правительство придать реформам социальный характер; поначалу барщина была ограничена тремя днями в неделю, а затем, в 1781 году, император Иосиф II (1780–1790) отменил крепостное право во всех провинциях Империи. Крестьяне стали свободными и неподвластными помещичьим судам; они получили право на наследственное владение своими наделами при условии уплаты помещику $\frac{1}{6}$ урожая. В соответствии с теорией Х. Вольфа Иосиф II считал задачей «регулярного государства» достижение всеобщего блага, он говорил, что «государство — это наибольшее благо для наибольшего числа подданных»¹⁷. Впервые в истории была создана система обязательного и практически бесплатного образования для простого народа; было основано 4 тыс. школ.

Вместе с тем реформы Иосифа II означали победу абсолютизма: ландтаги и сеймы были окончательно отстранены от участия в управлении, повсюду было введено чиновничье-полицейское правление. «Он хочет в буквальном смысле превратить свое государство в машину, душу которой составляет единоличная его воля...» — писал об Иосифе II современный публицист¹⁸. На практике это означало

создание военно-бюрократического государства, где все подчинялось регламенту, за соблюдением которого следила полиция. В течение десяти лет правления Иосифа II были изданы 6 тысяч декретов и 11 тысяч законов, призванных регулировать все стороны жизни общества. Австрия Иосифа II стала символом регулярного «полицейского государства» («Polizeistaat»), ненавистным для жалевшего об утрате своих привилегий дворянства.

3.2. ПЕТР III: ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ТРАНСФОРМАЦИИ ПО ПРУССКОМУ ОБРАЗЦУ

«Регулярное государство» Фридриха II стало образцом и для российских политиков. Некоторые мероприятия прусского короля — такие, как создание Дворянского банка и запрещение чиновникам покупать дворянские земли — были скопированы еще при жизни Елизаветы Петровны, другие — формальное освобождение от военной службы, отмена телесных наказаний для дворянства и независимые сословные суды — вошли в программу дворянства и были реализованы позднее, при Петре III и Екатерине II. Как обычно бывает, первым признаком новой диффузионной волны были преобразования в армии; инициатором реформ выступил большой поклонник прусской военной системы граф П. И. Шувалов, генерал-фельдцейхмейстер и командир военных частей, стоявших в Санкт-Петербурге. Шувалов переучил подчиненные ему части на прусский лад, и его эксперимент произвел большое впечатление на Военную коллегию. В 1755 году в русской армии был введен устав прусского образца, делавший упор на стрелковой тактике и быстроте перестроений. Кавалеристам было предписано атаковать противника в сомкнутом строю холодным оружием. Впрочем, обучение было поставлено слабо, и проведенный в 1757 году смотр показал полную неготовность кавалерии к боевым действиям¹⁹.

Более важные реформы были проведены в артиллерии. После принятия на вооружение в Пруссии и Австрии облегченных артиллерийских систем Россия была вынуждена спешно провести модернизацию своей артиллерии. Эта работа проводилась под руководством П. И. Шувалова, вследствие чего за новым типом орудий закрепилось название «единорог» (это был герб рода Шуваловых). «Единорог» представлял собой удлиненную гаубицу, но в отличие от гаубицы мог стрелять не только картечью, но также ядрами и разрывными бомбами. «Единороги» были различных калибров; предназначавшие-

ся для замены 3-фунтовой полковой пушки (имевшей вес 17,5 пуда) 8- и 12-фунтовые «единороги» имели вес соответственно 6 и 12 пудов, а действие картечи 12-фунтового «единорога» было в 4 раз сильнее, чем у 6-фунтовой пушки. Однако при всех достоинствах «единороги» имели и недостатки: дальность стрельбы была меньшей, чем у пушек, и кроме того, легкие орудия подпрыгивали при стрельбе и выводили из строя лафеты, поэтому в дальнейшем стали делать более тяжелые и длинные гаубицы. После введения на вооружение «единорогов» другие системы не были сняты с вооружения, и в русской артиллерии существовал большой разнобой систем и калибров²⁰.

Новая русская артиллерия оказалась более мощной, чем артиллерия Фридриха II, и благодаря «единорогам» (и практически непреступной оборонительной позиции) русским войскам удалось нанести поражение армии Фридриха у Кунерсдорфа — это была одна из немногих неудач прусского короля. Но в целом ход военных действий показал преимущество пруссаков в организации, маневренности и обученности пехоты, что побудило русских перенимать методы противника. Командовавший русскими войсками в Померании П. А. Румянцев был большим поклонником Фридриха II; по образцу пруссаков он создал подразделения егерей, и чтобы поднять дисциплину, усиленно применял шпицрутены²¹.

Среди поклонников прусского короля был и наследник русского престола, сын гольштинского герцога Карла Фридриха и дочери Петра I, Анны, Карл Петер, которого в России называли «Петром Федоровичем». Карл Петер до 14 лет воспитывался на своей родине, в Германии, по отзывам современников, был настоящим немцем и плохо говорил по-русски. Получив от императрицы Елизаветы большое поместье в Ораниенбауме, Карл Петер завел здесь свое маленькое войско, состоявшее по большей части из гольштинцев, обученное прусскими офицерами и носившее прусскую форму. Подражая своему кумиру, «Петр Федорович» следовал точно утвержденному распорядку дня, утром сам принимал вахтпарады, вечером музицировал на скрипке (Фридрих играл на флейте), а потом, как прусский король, курил табак и пил пиво со своими офицерами²².

Став императором Петром III, Карл Петер заключил союз с Фридрихом II и попытался ввести в России прусские порядки. Прежде всего, эти порядки касались армии: была введена строгая дисциплина и система вахтпарадов, которые принимал сам император. В этих парадах должны были принимать участие все — как престарелые штаб-офицеры, так записанные в полки малолетние дворяне. Офицеры должны были интенсивно, по-прусски, муштровать своих солдат.

Была введена новая военная форма прусского образца и новые военные штаты. В подражание прусской армии гренадеры были снова упразднены, зато увеличилось количество кирасирских полков²³.

Подражая Фридриху II, Петр III наладил дисциплину в государственных учреждениях, разрешил вывоз хлеба, ликвидировал Тайную канцелярию и запретил пытки. Немцы вновь заполнили императорский двор, из ссылки вернулись Миних и Бирон. Император конфиденциально советовался с Фридрихом о возможности введения в России протестантской религии — причем прусский король выражал опасения относительно возможных последствий. Тем не менее Петр III конфисковал церковные имущества и в духе свободы вероисповедания прекратил преследование старообрядцев. 19 февраля 1762 года Петр III подписал «Манифест о вольности дворянства», даровавший русскому дворянству ту привилегию, которой формально обладало немецкое дворянство — свободу от обязательной службы. При этом император выражал желание, чтобы освобожденные от обязанности дворяне все же продолжали служить и чтобы служба стала для них, как в Пруссии, делом чести²⁴.

Реформы Петра III были третьей попыткой трансформации России по европейскому образцу. На этот раз реформы были более глубокими и затронули саму основу российского государства, помещичью систему. Вестернизация в этом направлении как нельзя более удовлетворяла требованиям дворянства, и Петр III сделал решающий шаг, на столетие определивший судьбу страны. «По существу, своими законодательными актами он совершил революцию в системе социальных отношений России, — пишет А. Б. Каменский, — в борьбе с государством дворянство одержало окончательную победу»²⁵.

Таким образом, реформа Петра III означала новую *трансформацию общественной структуры*. Освобождение дворянства означало ликвидацию государства, господствовавшего над обществом и регламентирующего положения сословий, — то есть ликвидацию эта-тистской монархии. Новая монархия уже не могла приказывать дворянству: как только Петр III попытался навести дисциплину в дворянской гвардии, он был сразу же свергнут. Однако характерно, что социальный конфликт снова принял форму *традиционалистской реакции*: во главе мятежных гвардейских полков рядом с недовольными отягчением службы офицерами шли православные священники, поднявшие бунт против секуляризации. Петра III обвиняли в измене православию, в союзе с Фридрихом II и в предательстве интересов России.

3.3. ЕКАТЕРИНА II: ПАДЕНИЕ ЭТАТИСТСКОЙ МОНАРХИИ

Орудием дворянской гвардии на этот раз стала жена Петра III Екатерина. Немка, воспитанная на произведениях французских философов, она тем не менее была вынуждена проводить политику русского дворянства. Посаженная на престол гвардейцами, как пишет В. О. Ключевский, «Екатерина чувствовала себя на угольях». В разговоре с иностранным послом она сравнивала себя с зайцем, которого поднимают и травят со всех сторон²⁶. Заговоры следовали один за другим. В 1772 году (после девяти лет правления), узнав об очередном заговоре в гвардии, императрица перепугалась до такой степени, что бежала из столицы в Финляндию, а когда заговорщики были арестованы, не посмела казнить никого из них²⁷.

В начале правления Екатерины II был момент, когда она была готова согласиться на формальное ограничение самодержавной власти путем создания постоянного Императорского совета. Инициатором этого проекта был граф Н. И. Панин, бывший одно время послом в Стокгольме, и образцом для Императорского совета должен был стать шведский аристократический Государственный совет. Императрица уже подписала соответствующий манифест, но потом одумалась и надорвала свою подпись²⁸. Однако это не меняло сути дела: в течение всего своего правления Екатерина была вынуждена подчиняться требованиям дворянства.

Политика русской дворянской партии заключалась в следующем: брать от вестернизации то, что ей выгодно, и отторгать то, что невыгодно. В угоду дворянству Екатерина II отменила все военные нововведения Петра III — прежде всего, те, которые касались наведения дисциплины и порядка в армии и введения прусской системы обучения²⁹. Но многие реформы низложенного императора были подтверждены новой властью — отвергнута была лишь та государственная дисциплина, которую пытался восстановить Петр III. Роль Екатерины II в значительной мере была сведена к тому, чтобы ублажать дворянство землями, деньгами и привилегиями. При вступлении Екатерины на престол помещикам было роздано 18 тыс. крестьян, а всего за время царствования — более 850 тыс.³⁰ Манифест о Генеральном межевании 1765 года объявил помещикам, что им «всемиловитейше жалуются и утверждаются» самовольно захваченные ими государственные земли, если они «полюбовно только между соседями своими разберутся»³¹. В 1763 году были введены новые административные штаты, предусматривавшие специализацию служащих и резкое увеличение окладов; жалование стали платить

и тем служащим, которые прежде питались «от дел». В итоге расходы на содержание администрации в начале правления Екатерины увеличились до 8 млн. руб. (40% расходов бюджета); они продолжали расти и далее, так что к концу правления содержание чиновничества обходилось дороже содержания армии³². В 1775 году административная реформа была продолжена, было установлено новое административное деление и учреждена губернская администрация с отдельными финансовыми и судебными учреждениями; новые суды были сословными: отныне дворяне имели свой суд с выборными заседателями. Власть на нижнем, уездном уровне была передана в руки дворян, которые получили право выбирать уездного капитана-исправника. «Жалованная грамота дворянству» 1785 года оформила существование дворянских губернских корпораций, органами которых были дворянские собрания, избиравшие губернских и уездных предводителей дворянства, капитан-исправников и судебных заседателей. Статьи 11 и 24 «Жалованной грамоты» запрещали практиковавшие в рамках поместной системы произвольные конфискации поместий, и устанавливали принцип, по которому дворяне получали право свободного распоряжения своими имениями. Это означало признание частной собственности дворян на землю. Незадолго до этого Екатерина II ввела в российское законодательство сам термин «собственность», сразу же принявший частноправовой характер. Таким образом, вслед за освобождением дворян от службы была юридически оформлена приватизация дворянских имений, земли которых при существовании поместной системы считались государственными. Сравнивая «Жалованную грамоту» с дворянской политической программой времен Елизаветы, можно сделать вывод, что к 1785 году все основные требования дворянства были удовлетворены Екатериной II и Петром III³³.

Таким образом, в результате трансформации структуры, совершившейся в 1760-х годах, дворянство в значительной мере подчинило себе государственную власть. Как отмечалось выше, одной из причин этого конфликта был демографический дисбаланс, повлекший за собой оскудение дворянства, — та же причина, что толкала дворянство к «рокошам» 1640-х годов. Этот дисбаланс продолжал ухудшаться и далее, по данным В. М. Кабузана, удельный вес дворянства в населении страны постоянно рос: в 1744 году он составлял на территориях, вошедших в первую ревизию, 0,50%, в 1762 году — 0,59%, в 1795 году — 0,68%³⁴. Число крепостных крестьян, приходившихся на одного дворянина, постоянно уменьшалось, а число обедневших дворян — росло, что подталкивало их к попыткам увеличить ренту.

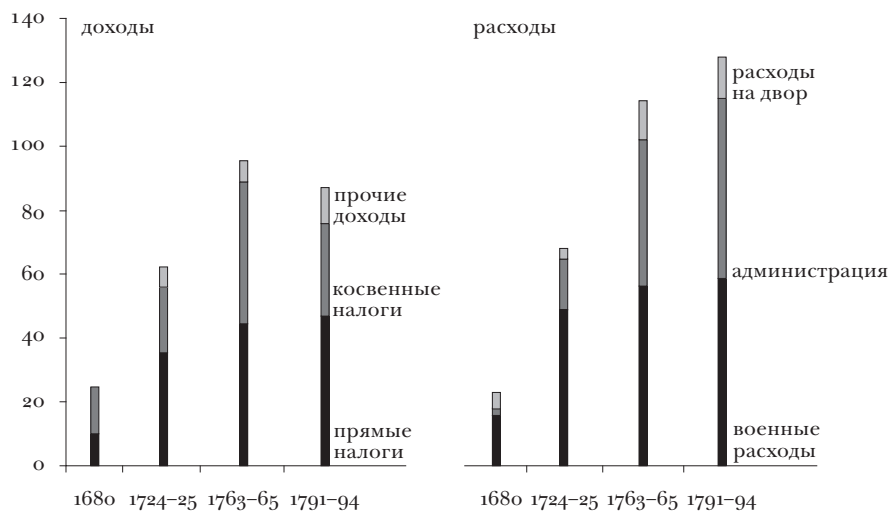

рис. 3.1. Доходы и расходы государственного бюджета в 1680–1794 годах (в пересчете на хлеб, млн. пуд.)³⁵

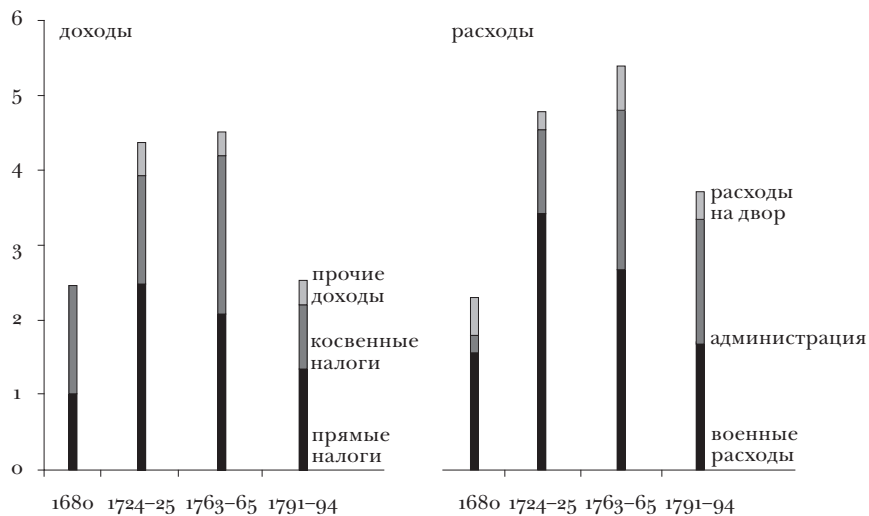

рис. 3.2. Доходы и расходы бюджета в расчете на душу населения (в пудах хлеба).

Но помимо демографического фактора, действовал и диффузионный фактор, проявлявшийся в подражании русского дворянства европейским, и в частности, немецким порядкам. Пруссия и Австрия в этот период были странами, где дворянство формально было свободно от служебной повинности, где оно обладало собственностью на свои земли, где господствовали крепостное право и барщинная система. Очевидно, некоторую роль сыграл и случайный фактор, проявившийся в династических кризисах, наступивших после смерти Петра Великого, а затем — после смерти императрицы Анны. Династический кризис способствовал ослаблению самодержавия и в конечном счете привел на русский престол немецкого принца Карла Петера, стремившегося ввести в России порядки Пруссии. Однако стеснявшая русское дворянство прусская государственная дисциплина была отвергнута, и в итоге было заимствовано не то, что составляло силу прусского государства, а то, что было средневековыми пережитками — принцип сословности, привилегированное положение дворянства, вотчинная власть помещиков — то, с чем пытались бороться Фридрих Великий и Иосиф II.

Трансформация структуры означала радикальное перераспределение ресурсов в пользу дворянства. Государство было вынуждено поступиться в пользу дворянства значительной частью ренты, которую оно собирало с помещичьих крестьян в виде подушного налога. Как отмечалось выше, огромная эмиссия медных денег во время Семилетней войны вызвала инфляцию и двойной рост цен. Соответственно, реальная величина подушной подати уменьшилась в 2 раза, и государственный бюджет понес большие потери. Однако Екатерина не осмелилась увеличить подать, чтобы компенсировать потери — в результате государственная доля ренты с крестьян сократилась, и это дало возможность помещикам увеличить свою долю — произошло то, чего давно добивались помещики (см. рисунок 3.4). Но инфляция продолжалась и далее, к 1794 году подушная подать уменьшилась по сравнению с 1750-ми годами более, чем в 4 раза. Государственные доходы с крепостных крестьян были отданы помещикам. График на рисунке 3.4 иллюстрирует этот кардинальный результат совершившейся социальной революции: до 1750-х годов кривые государственной и частной ренты с крепостных крестьян идут параллельно, но затем они расходятся: государственная рента убывает, а помещичья растет, поглощая те ресурсы, которые раньше принадлежали государству.

Таким же образом обстояло дело и в сфере косвенных налогов. Сразу же после захвата власти Екатерина в демагогических целях по-

низила цену на соль с 50 до 40 копеек; после восстания Пугачева последовало новое понижение — до 35 копеек. В условиях инфляции это привело к тому, что продажа соли стала убыточной, то есть соляная пошлина прекратила существование, и деньги, которые крестьяне платили за соль, достались помещикам.

Правительство пыталось компенсировать свои потери дальнейшим повышением пошлины на вино, но столкнулось с огромным ростом нелегальной «корчемной» торговли³⁶. В 1780 году откупщик столичных сборов Голиков доносил, что «корчемство распространилось до крайней чрезвычайности, и корчемники до толикой дошли наглости, что нередко, скопясь во многом числе, вооруженные, провозят великими обозами, бочек по 200...»³⁷. Поскольку вино корчемникам продавали дворяне, то Екатерина не осмеливалась принимать решительные меры к искоренению нелегальной торговли; в результате, несмотря на рост населения, доход от винных откупов в 1791–1794 годах сократился по сравнению с 1750-ми годами в полтора раза³⁸.

Более того, вслед за ликвидацией хлебной монополии при Петре III в правление Екатерины II были уничтожены почти все оставшиеся торговые и промышленные монополии государства. Доходы от этих монополий были переданы в частные руки — то есть в значительной степени в руки дворянства³⁹.

Символом бессилия Екатерины II была ее финансовая политика. Не смея компенсировать потери от инфляции повышением налогов, Екатерина покрывала огромный дефицит бюджета печатанием бумажных денег, ассигнаций. Естественно, это вызывало огромный рост цен — за время правления Екатерины цены возросли в 3 раза. Рост цен обесценивал реальные доходы бюджета, и правительство восполняло недостаток печатанием новых ассигнаций — это был порочный круг, который удалось разорвать лишь Николаю I.

Таким образом, Екатерина II отдала дворянству власть на местах и большую часть государственных доходов. По существу, это был демонтаж некогда могущественной государственной машины, созданной Петром Великим, *демонтаж механизмов этатистской монархии*. В хлебном исчислении доходы государства в расчете на душу населения уменьшились вдвое, и в целом, несмотря на то, что население возросло в 1,7 раза, доходы в конце правления Екатерины были меньше, чем в его начале! Сокращение доходов при том, что все большая часть их уходила на двор и чиновников, должно было привести к сокращению расходов на армию. Диаграмма на рисунке 3.2 наглядно показывает, как в послепетровские времена вместе с прямыми налогами уменьшались душевые расходы на армию. При Петре I числен-

ность армии составляла 1,56% от численности населения, при Екатерине II этот показатель снизился до 0,83% — в то время как в Австрии он составлял 1,04%, а в военизированной Пруссии — 3,45%⁴⁰.

Однако дело было не только в относительном уменьшении армии, но и в ее разложении. Коррупция стала еще одним способом перераспределения доходов в пользу элиты. Екатерина не смела контролировать своих генералов и полковников, и пользуясь этим, они присваивали деньги, отпускаемые на содержание полков. «Несколько полковников признались мне, что каждый год получают от трех до четырех тысяч рублей со своих полков», — свидетельствует французский посол Л. Ф. де Сегюр. Князь П. Д. Цицианов, приняв полк от своего предшественника, писал, что довольствие расхищается и не доходит до солдат, что «ротные командиры избалованы и считают роту за деревню»⁴¹. Расхищали и самих солдат: полковники отправляли рекрутов в свои деревни, и они навсегда исчезали из армии. Князь Г. А. Потемкин присвоил целый рекрутский набор; по словам канцлера А. А. Безбородко, в 1795 году было 50 тысяч «растасканных» солдат⁴². При проверках на смотр выводили не более половины от списочного состава полков, три четверти офицеров числились на бумаге. Среди знати распространилась практика, когда в полки записывали малолетних детей, и подрастая, они «выслуживали» очередные офицерские чины. В армии было много 20–22 летних полковников и даже генералов, в то же время заслуженные офицеры не получали повышения⁴³. Наивысшей степени разложение достигло в гвардейских частях, где числилось 20 тысяч мнимых сержантов и унтер-офицеров, а офицеры годами не показывались в полках. «Гвардия — позор и бич русской армии», — писал граф А. Ф. Ланжерон⁴⁴.

Подобное разложение отмечалось и в среде чиновничества. «Судии во всяких делах стали стараться... лихоимственно продавая правосудие, получить себе прибыль», — свидетельствует князь М. М. Щербатов⁴⁵. «В 20 последних лет предыдущего царствования всевозможные части управления пришли в упадок... — докладывал в 1797 году прусский посол генерал Гребен. — Чиновники, без всякого исключения, проводили дни в попойках и игре... Отсюда проистекало взяточничество в обширных размерах... отсюда же проистекали бесчисленные злоупотребления...»⁴⁶ «Внутри страны происходят ужасы, — писал Ф. В. Растопчин. — Никогда еще преступления не были так наглы, как ныне. Безнаказанность и дерзость дошли до крайнего порядка. Один Рибас ворует более 500 тысяч рублей в год»⁴⁷. А. С. Пушкин подытожил это разложение одной фразой: «Развратная государыня развратила свое государство»⁴⁸.

Таким образом, трансформация структуры, произошедшая в 1760-х годах, привела к радикальному перераспределению доходов в пользу дворянства и в ущерб государству, к ослаблению государства и разложению государственного аппарата.

3.4. ФРАНЦУЗСКОЕ ВЛИЯНИЕ И ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ДВОРЯНСТВА

Освободившись от обязанностей военной службы, дворянство смогло удовлетворить свое стремление к роскошной и праздной жизни. Многие историки связывают стремление к роскоши и перерождение российского дворянства с «европеизацией», стремлением не отстать от европейских дворян⁴⁹. О неприхотливости русской знати в допетровскую эпоху писали многие иностранные путешественники. «Как бы русский не был знатен, он вовсе неприхотлив, — писал Я. Стрейс. — Самая обычная его пища: каша, горох, кислая капуста, соленая рыба, ржаной хлеб...»⁵⁰ В прежние времена, писал князь М. М. Щербатов, «не токмо подданные, но и государи наши вели жизнь весьма простую», но Петр Великий, подражая «чужестранным народам», ввел ассамблеи и роскошные чужестранные одежды⁵¹.

Процесс вестернизации был достаточно сложным явлением, и помимо прусско-австрийского культурного круга (для которого роскошь было нехарактерна) на Россию оказывали воздействие еще две диффузионные волны. Одна из этих волн — это был англо-голландский культурный круг, о котором мы говорили выше. Основными компонентами этого круга были океанские корабли, морская торговля, частное предпринимательство и парламентское правление. Богатство и сила морских держав побуждали другие страны перенимать их порядки, и среди русской знати было немало сторонников английского аристократического парламентаризма. Однако в соответствии с мир-системной теорией морская торговля Запада оказывала воздействие на общество континентальных стран и другим путем. Чтобы вовлечь их в торговлю, морские державы предлагали различные товары, производимые в других странах. Например, в обмен на польский хлеб Голландия предлагала польской шляхте различные предметы роскоши, как голландского, так и французского производства. И чтобы покупать эти престижные товары, а потом похвалиться друг перед другом, польские шляхтичи создавали фольварки и заставляли своих крестьян работать на барщине. Таким образом, экономическое давление Запада было способно деформировать существующие общественные отношения в периферийных странах.

Другая волна диффузионного влияния шла из Франции и ассоциировалась с былыми победами Людовика XIV и блеском Версаля. Франция сравнительно медленно двигалась по пути к «регулярному государству» и усваивала военные достижения XVIII века; во французской армии до конца столетия не было ни рекрутской повинности, ни легких пушек. Франция терпела поражения от пруссаков и австрийцев, но она оставалась самым большим государством Европы, и до поры до времени эти поражения не угрожали ее существованию. Поэтому французское общество могло сохранять архаичные ренессансные черты — роскошь двора и излишества французской аристократии были одной из таких черт. Производство предметов роскоши было основной отраслью парижской промышленности. Изысканная французская культура, отождествляемая с Версалем и «Комеди Франсез», в конечном счете также была порождением аристократизма и проявлением роскоши; простой народ не знал о ее существовании. В XVIII веке эта культура распространилась по всей Европе, и Фридриху Вильгельму I стоило большого труда противостоять проникновению французской роскоши и французских нравов.

Императрица Анна Иоанновна так же, как прусский король, боролась с распространением излишеств и неоднократно издавала указы против роскоши. Распространение роскоши в России началось при Елизавете Петровне. По заказу Елизаветы знаменитый итальянский архитектор Растрелли построил два дворца, способных соперничать с Версалем: Зимний дворец в Петербурге и Большой дворец в Царском Селе. «Капители колонн, фронтоны, наличники окон, даже статуи вдоль верхней балюстрады дворца — все было позолочено», — писал Растрелли⁵².

Екатерина II намного превзошла в роскоши свою предшественницу. «Роскошь и блеск придворных нарядов, и обилие драгоценных камней далеко оставляют за собой великолепие других дворов», — писал английский путешественник У. Кокс⁵³. Расходы на двор достигли 11% государственного бюджета. По закону императрица могла расходовать на нужды двора лишь доходы с дворцовых крестьян, составлявшие в то время 3,6% бюджета, но императрица не стеснялась нарушать закон⁵⁴.

Дворянство следовало примеру императорского двора. «Примеры таковые не могли не разлиться на весь народ, — писал князь М. М. Щербатов, — и повсюду роскошь и сластолюбие умножились. Дамы стали великолепно убираться и стыдились неанглийские мебели иметь; столы учинились великолепны и повары... стали великие

деньги в жалованье получать... Вины дорогие и до того неизвестные не только в знатных домах вошли в употребление... Роскошь в одеждах все пределы превзошла... и в таком множестве, что часто гардероб составлял почти равный капитал с прочим достатком какого придворного...»⁵⁵

Е. И. Марасинова отмечает, что соперничество в роскоши среди высшей знати было санкционировано самой императрицей Екатериной II и что среди рядового дворянства «умеренная роскошь» считалась не прихотью и не расточительством, а уровнем, ниже которого не позволяло опускаться достоинство дворянина⁵⁶.

Прежде, отмечал П. И. Рычков, лучшие люди жили в своих домах умеренно и бережно, теперь же молодые помещики выстраивают себе богатые дома, роскошно убирают их и заводят немалое число официантов и ливрейных служителей. Лет двадцать тому назад знатные и заслуженные дворяне имели при себе по два, по три человека, а теперь их дети и наследники предаются всевозможным излишествам, не жалея себя и крестьянства⁵⁷.

Стиль нового образа жизни задавало гвардейское офицерство — цвет дворянства, окружавший двор императрицы. Екатерининский гвардеец должен был ездить в карете, запряженной шестеркой лошадей, иметь несколько роскошных мундиров, ценой не менее 120 рублей каждый, и десяток-другой лакеев и слуг (у выходцев из богатых семей число слуг достигало пятисот). В гвардии сформировались определенные нормы престижного потребления, например, за обедом было положено выпивать не менее двух бутылок настоящего шампанского. «Жить не просто в долг, но жить не по средствам было нормой в гвардейской среде, — пишет Ю. А. Сорокин. — Более того, такой образ жизни стал модным и считался единственно приличным для дворянина»⁵⁸.

Представление о доходах и расходах знати может дать, к примеру, бюджет князя Н. Б. Юсупова. В 1798 году его доход составил 100 тысяч рублей, из них на жалование слугам, на расходы по дому и канцелярии ушло 7 тысяч, на личные расходы — 63 тыс. В 1815 году оброков собрано 91 тысяча, расходы на дом и дворню — 29 тыс., на фаворитку мадам Ларни — 18 тыс. Все производительные расходы за 1798–1815 годы — 1640 руб. (две молотильные машины, веялка и шотландский плуг). Денег тем не менее не хватало; в 1818 году долг князя достиг 616 тыс. руб., 7537 крепостных Юсупова (1/3 общего числа) находились в залоге. В 1821 году, будучи весь в долгах, Юсупов купил «Никитский дом» и устроил в нем театр, расходы составили 142 тыс. руб. После смерти князя в 1831 году в его кассе обнаружили 27 тыс. руб., долгов же оста-

лось на 2,5 миллиона. — сумма, сравнимая с расходными статьями государственного бюджета⁵⁹.

Долгами были обременены и другие представители знати. У графа Н. П. Шереметева в 1798 году из дохода в 632 тысячи рублей 29% уходило на уплату долгов, 35% — на личные расходы, 13% — на дворню, 11% — на расходы по дому. У князя А. Б. Куракина в начале XIX века на уплату долгов уходила половина доходов, а остальное — на дом в Петербурге, на экипажи и содержание 800 дворовых⁶⁰. Граф И. Г. Чернышев, находясь при смерти, писал Екатерине II: «Оставляю наследство в крайней нищете, ибо долгу на мне, всемилостивейшая государыня, более полумиллиона рублей». Чернышев объяснял свои долги расходами на светскую жизнь в столице: они накопились, писал граф, в «тридцатилетнее мое бытие в Адмиралтейской коллегии, в которой, а особливо сначала, принужден был держать большой стол, кормить всех и приучать подчиненных своих... к большому свету»⁶¹.

Стремление к роскоши было лишь одним из компонентов новой, заимствованной с Запада, модели поведения дворян. Смена стереотипов поведения сопровождалась отказом от традиционных православных норм, и защитники старины называли ее «повреждением нравов в России». «Вера и Божий закон в сердцах наших истребились... — писал князь М. М. Щербатов. — Несть ни почтения чад к родителям... несть ни родительской любви к их исчадию... Несть искренней любви между супругов... Несть родственнические связи... ибо... каждый живет для себя. Несть дружбы, ибо каждый жертвует другом для пользы своея... Несть любви к отечеству, ибо почти все служат более для пользы своей, нежели для пользы отечества...»⁶²

Открыто нарушались каноны православного брака, вошли в моду «метресы» и «французское распутство». Г. Р. Державин со вкусом рассуждал «о модном искусстве давать друг другу свободу»⁶³. В помещичьих усадьбах стало обычаем «право первой ночи», и дворяне содержали гаремы из крепостных девушек. Авторитет церкви среди дворян пал так низко, что помещик мог запросто приказать высечь сельского священника. Более того, наблюдался отход части дворянства от православия; получили распространение протестантские секты и масонские клубы. В своей европеизации дворянство все более удалялось от народа, забывая не только свое происхождение, но и свою веру⁶⁴.

Распространение французской культуры привело к «офранцуживанию» русского дворянства. Дворяне подражали французским манерам, читали французские книги, посещали театр, где играли француз-

ские актеры. Французский язык стал языком русской знати, и вошло в обычай давать только что родившемуся ребенку кормилицу-француженку — с тем, чтобы она учила его говорить по-французски⁶⁵. «Русское дворянство отделено от других сословий не только многочисленными привилегиями, — писал Н. И. Тургенев, — но и внешним видом, одеждой, и словно опасаясь, что различие это может показаться недостаточным, дворяне... отказались от родного языка и даже в частной жизни, в кругу семьи, говорят обыкновенно на иностранном языке. Отличаясь от народа привилегиями, образом жизни, костюмом и наречием, русское дворянство *уподобилось племени завоевателей, которое силой навязало себя нации*, большей части которой чужды их привычки, устремления, интересы. Причина подобного отчуждения вовсе не в русском образе правления; это лишь следствие той поспешности, с коей Россия пустилась догонять цивилизованную Европу»⁶⁶. «Новая культура стала достоянием лишь малой части народа, в результате разделившегося на две неравные части, — указывает А. Б. Каменский. — Произошел культурный раскол русского народа... который стал, по сути, его трагедией. Столь часто с насмешкой описываемая в светских школьных учебниках ситуация, когда русские крестьяне воспринимали своего говорившего по-французски барина как „немца“, была на деле знаком величайшей беды русской истории, грозившей разрушительными социальными последствиями»⁶⁷.

В то время как крестьяне считали помещиков «немцами», помещики удивлялись обычаям своих крестьян, как будто это были обычаи другого народа. Случайно попавший на крестьянский праздник А. Т. Болотов писал: «Мы не могли странности обычаев их, принужденности обрядов и глупым их этикетам и угощениям довольно надивиться»⁶⁸.

В соответствии с мир-системной теорией охватившая дворянство страсть к роскоши была связана с развитием внешней торговли и широким рыночным предложением западных изделий. За время правления Екатерины ввоз в номинальных ценах увеличился почти в 5 раз: с 9,3 млн. руб. в 1763–1765 годах до 41,9 млн. руб. в 1796 году. Первое место среди ввозимых товаров занимал сахар (5,6 млн. руб.), затем шли тонкие сукна (3,9 млн. руб.), хлопчатобумажные ткани (2,6 млн. руб.), шелка, вина, фрукты и т. п. «Ввоз носил исключительно потребительский характер для удовлетворения потребностей высших классов», — отмечал П. И. Лященко⁶⁹.

Ф. Бродель, акцентируя этот аспект проблемы, цитирует памятную записку неизвестного русского автора, поданную в правительство в 1765 году. Автор сетовал на то, что дворянство приохотилось

к роскоши, и призывал вернуться к простоте времен Петра Великого. Причиной распространения роскоши является торговля, и особенно опасна торговля с Францией, потому что груз одного французского корабля «поелику состоит он из всяких предметов роскоши», обычно равен по ценности десяти — пятнадцати кораблям других наций. В итоге автор записки рекомендовал по примеру Китая закрыть страну для ввоза иностранных предметов роскоши, ибо если такой роскоши суждено продолжаться, то она станет причиной «разорения земледельства»⁷⁰.

А. Кахан приблизительно подсчитал «цену вестернизации», то есть стоимость расходов, которые платило русское дворянство за западную роскошь, а также за западный стиль жизни, путешествия в Европу и за образование, сводившееся по преимуществу к изучению французского языка. По оценке американского исследователя, эти расходы в 1793–1795 годах в среднем составляли ежегодно не менее 18 млн. руб. и отнимали более 35% дохода помещичьих хозяйств; такие расходы были непосильны для более чем половины помещиков. Отсюда следует, заключает А. Кахан, что вестернизация была мощным стимулом, заставлявшим помещиков искать пути увеличения своих доходов⁷¹.

В то же время необходимо отметить, что стремление к роскоши характерно для правящих классов во все времена, и его нельзя полностью приписать влиянию вестернизации. Русская роскошь имела и восточные оттенки, и это проявлялось, в частности, в огромном количестве слуг. «Число крестьян, которых употребляли для домашнего услужения было так велико, что в других странах не могут себе этого и представить», — писал академик А. К. Шторх⁷². У богатого помещика Головина было 300 человек дворни, у графа Орлова — не менее 500 слуг, у графа Разумовского — 300 человек в Батурине, 190 в петербургском доме и т. д. А. К. Шторх объяснял эту «восточную роскошь» наличием крепостного права, то есть дешевой содержанием крепостных слуг⁷³. Таким образом, вызванное в значительной степени вестернизацией стремление к роскоши порождало отягчение крепостничества, а крепостничество, в свою очередь, способствовало усилению роскоши — имела место «автогенерация», которая, с одной стороны, побуждала помещиков еще более усиливать эксплуатацию крепостных, а с другой стороны, доводила их стремление к роскоши до абсурда.

Охватившая дворянство страсть к роскоши не могла не повлиять на экономическую жизнь страны. «Лет 70 назад, — писал в 1856 году историк и философ Ю. Ф. Самарин, — владельцы значительных име-

ний мало занимались сельским хозяйством и по большей части довольствовались умеренным оброком... Они управляли своими вотчинами издали... оставляя в покое крестьян... Этот порядок вещей изменился постепенно под совокупным действием многих причин. Именья быстро дробились и с каждого нового раздела средства владельцев уменьшались, а потребности, как существенные, так и искусственные, порожденные непомерным развитием роскоши, не только не ограничивались, но и возрастали в изумительной прогрессии... Тогда дворяне почувствовали необходимость пристальнее заняться своими делами, увеличить свои доходы... и для достижения этих целей, естественно, избрали самое сподручное и дешевое средство: *заведение барщины*»⁷⁴.

3.5. ОТЯГОЩЕНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВА

Один из путей увеличения доходов дворянства заключался в расширении барщинных хозяйств. Для этого, прежде всего, требовались соответствующие земельные ресурсы. Во время Генерального межевания Екатерина II постаралась удовлетворить это требование дворянства и передала помещикам огромные массивы государственных земель — в числе этих земель были и еще неосвоенные степные просторы Черноземья. Это дало толчок к развитию помещичьего предпринимательства. «Началась земельная лихорадка, которая охватила большинство дворянства», — отмечает А. Кахан⁷⁵. «Никогда такого хода на землю не было, как теперь, — свидетельствует агроном А. Т. Болотов, — все хватают себе земельки и рвут, и едва только успевают отсыпать денежки»⁷⁶. Во главе хозяйств теперь становились наиболее опытные, энергичные члены дворянских семейств; как писал Болотов, «все лучшее тогда в армии российское дворянство, а не те престарелые старики и старушки»⁷⁷.

Возрастающий интерес помещиков к предпринимательству был отмечен появлением в середине XVIII века ряда помещичьих инструкций, предусматривающих организацию товарного барщинного хозяйства, в частности, известных инструкций Татищева и Румянцева. В 1765 году было создано Вольное экономическое общество, основной целью которого была выработка наиболее эффективных методов ведения барщинного хозяйства и подготовка наставлений для управителей латифундий. В 1769–1770 году появилось несколько таких наставлений, в том числе «Наказ управителю» лифляндского помещика барона Вольфа, «Наказ для управителя или приказчика»

П. И. Рычкова и «Инструкция управителям и приказчикам имений» А. Т. Болотова. «Наказ» П. И. Рычкова дает представление о степени развития барщинного хозяйства: уже в то время многие помещики отводили на барщину четыре дня, оставляя для обработки крестьянских полей так мало времени, что крестьяне были вынуждены нарушать церковные заповеди и работать по воскресеньям. Помещики, которые забирали на барщину три дня и давали крестьянам отдохнуть в воскресенье, считались «умеренными». П. И. Рычков рекомендовал норму барщины, которая в пересчете на душу составляла 0,8 десятины, максимально — 1,2 десятины⁷⁸. Как мы увидим далее, норма в 0,8 десятины, действительно, стала обычной в 1780-х годах.

В «наказах» детально описывается организация барщинных работ не только в полеводстве, но и в садоводстве, винокурении и других областях; при этом подчеркивается товарная ориентация хозяйства на производство хлеба и хлебного вина (то есть водки)⁷⁹. Винокурение было частью барщинного хозяйства, и барщинный бум сопровождался винокурением бумом. «Бесчисленное множество корыстолобивых дворян... — писал А. Т. Болотов, — давно уже грызли губы и зубы от зависти, видя многих других от вина получающих страшные прибыли... Повсюду началось копанье и запруживание прудов... и воздвигание огромных винных заводов...»⁸⁰

Как известно, в ряде стран Восточной Европы, в частности, в Польше, помещики, принимавшие участие в торговле через своих управляющих, обменивали произведенный в барщинных фольварках хлеб на западные предметы роскоши, и этот обмен служил непосредственным стимулом к распространению барщины и отягчению крепостничества⁸¹. Некоторые авторы проводили аналогию между процессом становления крепостничества в России и Восточной Европе, акцентируя роль экспортной торговли хлебом⁸². Действительно, русские помещики проявляли заинтересованность в налаживании хлебного экспорта, и отмена ограничений на экспорт стала одним из следствий революции 1762 года. Однако транспортные условия в то время не позволили наладить широкий вывоз хлеба из России. Лишь в немногих доступных для мирового рынка районах страны (в частности, на Смоленщине) получили развитие ориентированные на экспорт барщинные экономики⁸³. В 1790-х годах среднегодовой экспорт хлеба из России составлял лишь 2,5 млн. пудов, тогда как из Польши только через Данциг экспортировалось 170 тыс. лаштов, то есть примерно 23 млн. пудов. По некоторым оценкам, общая масса продаваемого хлеба в России составляла в это время око-

ло 140 млн. пудов, таким образом, на экспорт шло лишь около 5% товарных поставок⁸⁴.

Если в Польше барщинные хозяйства непосредственно работали на внешний рынок и производимый в них хлеб питал перенаселенные страны Западной Европы, то в России производимый помещиками хлеб потреблялся ремесленниками и крестьянами перенаселенного Центрального региона. В обмен на этот хлеб население Центра производило некоторые предметы роскоши для помещиков и более простые товары для их двора, а также лен, пеньку, полотно, которые обменивались на внешнем рынке на западные товары для дворян. Таким образом, торговля имела треугольный характер «Черноземье — Центр — Запад», и роль барщинных плантаций в этой торговле заключалась в основном в снабжении хлебом промышленного Центра.

Введению барщинного хозяйства предшествовал рост оброков. Рост оброков начался в 1760-х годах с тех губерний, которые были ближе к Москве: уже в это время оброк в тульском имении графа П. Б. Шереметева достиг 11 пудов на душу, а в имении князя А. М. Голицына — 13 пудов с души. К 1776–1780 годам оброк в 13 пудов стал средним для крестьян двух южных уездов тульской губернии, Епифанского и Ефремовского⁸⁵. На орловщине увеличение оброков началось в 1770-х годах: еще в 1771 году в имении Д. М. Голицына оброк в пересчете на хлеб составлял 8 пудов с души, а в 1776–1780 годах средний оброк по Орловскому уезду достиг 17 пудов!⁸⁶ Следующим шагом была организация барщинного производства. В 1768 году граф П. Б. Шереметев перевел крестьян своего тульского имения на барщину из расчета 1 десятины барской запашки на душу. Примерно такая же норма запашки установилась в 1770-х годах в имениях Голицыных. В целом данные по четырем черноземным уездам Тульской и Рязанской губерний говорят, что к 1780 году в барщинных хозяйствах на душу приходилось 0,8 десятины барской запашки — намного больше, чем в Центральном регионе. Однако в Орловской и Тамбовской губерниях барщина еще не достигла таких размеров, как на рязанщине: она составляла 0,5 десятины на душу⁸⁷.

Организация товарного производства хлеба повлекла за собой быстрое расширение посевов в 80–90-х годах XVIII века: по различным губерниям Черноземья они увеличились в 1,5–2 раза⁸⁸. Географическое расположение определило последовательность распространения барщинных плантаций: сначала они появились в Тульской и Рязанской губерниях. Далее на Юг районы товарного земледелия формировались вдоль водных коммуникаций. Удобный путь спла-

вом по Оке превратил Орел в первую хлебную пристань Черноземья. В 1780-х годах более 200 судов ежегодно отправлялись от Орла вниз по Оке, доставляя в Центральный регион около 4 млн. пудов хлеба (по другим сведениям — 8 млн.)⁸⁹. Другой водный путь вел от пристани Моршанска вниз по реке Цне, а затем по Оке на Волгу. В 1780-х годах по этому пути ежегодно вывозилось свыше 2 млн. пудов хлеба, выращенного в Тамбовской губернии. В связи с трудностью доставки большая часть пензенского хлеба, около 1 млн. пудов, расходовалась на винокурение; здесь располагались крупнейшие в России винокуренные заводы⁹⁰. Но много и вывозилось: поток хлеба шел от Пензы по реке Суре до Волги, здесь у пристани Лысково к нему присоединялся поток зерна из Нижегородской губернии. У Нижнего Новгорода встречались караваны с хлебом, шедшие по Оке и Волге; через Нижний проходило свыше 4 тыс. судов, которые следовали вверх по Волге к Ярославлю и Рыбинской слободе. Нижегородский губернатор с гордостью называл свой город «внутренним Российского государства портом»⁹¹. Около 70 тыс. бурлаков собирались ежегодно в Нижнем, чтобы тянуть суда вверх по реке — это был один из основных промыслов волжских крестьян. Привозной хлеб питал ремесленный район Ярославля — Иваново, но большая его часть уходила дальше — на Петербург. Северная столица потребляла в общей сложности около 8 млн. пудов хлеба ежегодно⁹².

Таким образом, к 80-м годам XVIII века установился мощный поток хлеба в центральные губернии из крепостных поместий Северного Черноземья. Напротив, Южное Черноземье, Воронежская и Курская губернии, не имело удобной транспортной связи с Центром, поэтому товарное производство распространялось здесь сравнительно медленно; излишки зерна везли из этих районов на Украину, где их перерабатывали в водку⁹³.

Некоторые помещики не ограничивались организацией полевых барщинных хозяйств, «экономий»; они создавали в своих имениях мануфактуры, на которых работали крепостные крестьяне. Крупнейший пензенский землевладелец А. И. Полянский имел в своей вотчине полотняную мануфактуру с 25 рабочими, суконную мануфактуру с 19 рабочими, ковровую «фабрику» с 12 рабочими, два кирпичных завода, два винокуренных завода. На этих предприятиях были заняты постоянные рабочие из крепостных, которые получали месячину, а также барщинные крестьяне, привлекавшиеся на фабрики в свободное от полевых работ время — преимущественно зимой. Молодой аристократ князь А. Б. Куракин завел в своем поместье полотняную, суконную мануфактуры и два винокуренных завода. Вино-

куренные предприятия были распространены повсеместно, и некоторые из них имели очень большие размеры, так, например, Чибирлеевский завод Воронцовых потреблял значительную часть зерна, производившегося в Саранском уезде, — около 200 тысяч пудов в год⁹⁴.

Если в первой четверти XVIII века из 40 частных мануфактур только две принадлежали дворянам, то в 1773 году из 328 мануфактур дворяне имели 66, которые производили до трети всех товаров; в 1813–1814 годах из 1018 предприятий 520 принадлежали дворянам⁹⁵. В значительной части это были мелкие вотчинные предприятия, однако имелись и крупные крепостные мануфактуры, в частности, в производстве сукна. Армия требовала большое количество сукна для мундиров, и производство сукна было одной из основных отраслей военно-промышленного комплекса, созданного Петром I. Это производство имело гарантированный сбыт и давало гарантированные прибыли, поэтому дворянство стремилось закрепить за собой эту отрасль предпринимательства — и в конце концов получило привилегии на поставку сукна для армии. В 1804 году существовало 155 дворянских суконных мануфактур, и 90% работников на этих мануфактурах были крепостными⁹⁶. Помещики, писал Н. И. Тургенев, помещали сотни крепостных, преимущественно молодых девушек и мальчиков, в жалкие лачуги и силой заставляли работать. «Я помню, с каким ужасом говорили крестьяне об этих учреждениях: они говорили: „в этой деревне есть фабрика“ так, как если бы говорилось „там есть чума“»⁹⁷.

Создатели крепостных латифундий не знали меры в эксплуатации крестьян. Помещичьи инструкции полагали естественной работой крестьян по воскресеньям и праздникам, хотя прежде это считалось преступлением. Установленные инструкциями нормы барщины часто оказывались непосильными, у крестьян не оставалось времени для обработки своих полей. «Крестьянство едва успевало исправлять как собственные свои, так и те работы, которые на них возлагаемы были от помещиков, — писал А. Т. Болотов, — и им едва удавалось снабжать себя нужным пропитанием»⁹⁸. В 1775 году в шереметевской вотчине начался голод. «За неимением хлеба, а особливо в нынешний год по худому урожаю, — писали крестьяне Шереметеву, — большая половина крестьян кормится пополам с мякиною, а прочие, не имея у себя ничего, скитаются со всеми семьями по миру...»⁹⁹. Шереметев был вынужден уменьшить барскую запашку до 0,8 десятины на душу. «Помилуйте, государь, мы уже из сил выбились, — жаловались крестьяне Полянского. — Воля твоя, хотя наши головы руби... хотя и не хочитца, да плакамши пойдем на чужую сторону»¹⁰⁰. Характерной иллюстрацией к этому явлению являются следующие слова:

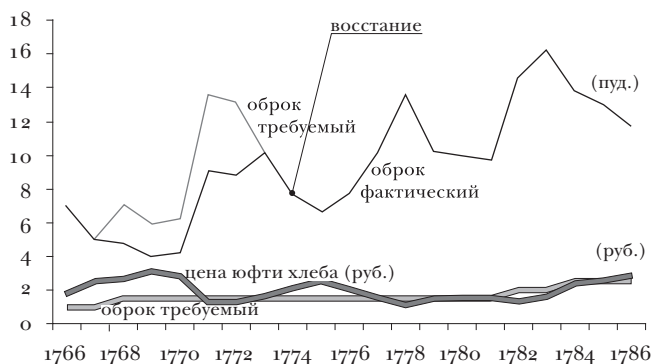

рис. 3.3. Динамика душевого оброка в Пензенском имении А. Б. Куракина (с. Архангельское)¹⁰¹.

люстрацией происходивших процессов может служить положение в пензенском имении А. Б. Куракина (с. Архангельское). В 1768 году оброк в имении был увеличен с 2 до 3 руб. с души мужского пола; это повышение было усугублено падением цен на хлеб, в результате, если в 1767 году с крестьян требовали оброк, эквивалентный 5 пудам хлеба с души, то в 1771–1772 годах, чтобы заплатить оброк, нужно было продать 12 пудов¹⁰². Крепостные Куракина, несмотря на массовые порки, четыре года отказывались платить повышенный оброк; в конце концов они присоединились к повстанцам Пугачева и разгромили усадьбу помещика. Когда пришли каратели и восстание было подавлено, в Архангельском был установлен вотчинный полицейский режим: все крестьяне были разделены на группы в 25–30 человек во главе с десятским. Десятский получил право наказывать своих крестьян за посещение чужого «десятка», нерадивость, непосещение церкви и т. д.; было запрещено уходить из вотчины даже на несколько часов. Только так удалось заставить крестьян платить оброк, который к 1782–1784 году достиг в пересчете на хлеб 15 пудов с души¹⁰³.

В контексте демографически-структурной теории резкое перераспределение ресурсов в пользу элиты означало значительное сужение экологической ниши народа — несмотря на то, что земли на Черноземе было достаточно. Сужение экологической ниши привело к падению потребления и в теории могло привести к голоду и кризису наподобие тех кризисов, которые раньше происходили вследствие перераспределения ресурсов от народа к государству.

Суть трансформации структуры 1760-х годов заключалась не только в «освобождении» дворян и перераспределении доходов — ее об-

ратной стороной было отягощение крепостного состояния крестьян. По словам И. Д. Беляева, манифест 1762 года «окончательно порешил судьбу крестьян и обратил их в полную исключительную собственность помещиков»¹⁰⁴. В. О. Ключевский также говорит о том, что крестьяне стали «частной собственностью помещика», а помещики превратились в «рабовладельцев»¹⁰⁵. Обессилевшая монархия уже не могла регулировать отношения между сословиями и защищать крестьян от притязаний помещиков. В 1765 году Екатерина II предоставила помещикам право без суда и следствия отправлять своих крестьян на каторгу, то есть применять наказание, которое давалось только за самые тяжкие уголовные и государственные преступления. В 1767 году крестьянам было запрещено жаловаться на помещиков, и попытки обращения за справедливостью стали квалифицироваться как преступления.

Иногда утверждается, что крестьяне и раньше не имели права жаловаться на помещиков, что этот запрет был введен еще Уложением 1649 года¹⁰⁶. Однако это не так. Уложение (II, 13) запрещает принимать «изветы» т. е. доносы крестьян на владельцев, исключая случаи государственных преступлений. Но «челобитная», т. е. жалоба не была «изветом», и до Екатерины II такие челобитные принимались, хотя часто не имели хода в низших инстанциях. Со времен Петра указы запрещали подачу жалоб государю в обход инстанций. Указ 19 января 1765 года назначал уголовные наказания за подачу прошений на Высочайшее имя. *Указ 22 августа 1767 года запрещал подачу крестьянских челобитных не только императрице, но и в другие инстанции.* Составителям и подателям челобитных грозило наказание кнутом и бессрочная ссылка на каторгу в Нерчинск с зачетом помещику рекрута¹⁰⁷.

Помещики прямо называли своих крестьян рабами — и сама Екатерина называла их рабами в Наказе Уложенной комиссии¹⁰⁸. Когда известный поэт А. П. Сумароков стал возражать, утверждая, что «между крепостным и невольником есть разность: один привязан к земле, а другой — к помещику», Екатерина воскликнула: «Как это сказать можно, отверзните очи!»¹⁰⁹ Однако желание «прилично выглядеть» перед Европой побудило императрицу в 1786 году запретить использовать слово «раб» по отношению к своим подданным — хотя в секретных документах и частных беседах императоры часто называли крестьян рабами¹¹⁰. Ввиду цензурных требований русские историки были вынуждены избегать упоминаний о рабстве и называли помещичьих крестьян «крепостными». Приглашенный преподавать в Харьков немецкий профессор Шад осмелился написать (на латин-

ском языке) книгу, в которой клеймил рабство — и был немедленно выслан из России¹¹¹. Академик А. К. Шторх, в начале XIX века упорно доказывавший тождество «крепостных» и рабов, так и не смог опубликовать своих работ на русском языке¹¹². Известный правовед и экономист Н. И. Тургенев смог опубликовать свою книгу «Россия и русские» в Париже. «Слово „раб“ вызывает столь ужасные и отвратительные представления, — писал Н. И. Тургенев, — что видя несвободного русского крестьянина, пожалуй, не решишься так его называть... Однако если вспомнить, какой властью над своими крепостными обладают... помещики, то определение *рабство* становится единственно возможным...» (выделено Тургеневым)¹¹³.

Впоследствии на тождество «крепостных» и рабов указывали некоторые либеральные историки, в том числе П. Б. Струве¹¹⁴. Однако В. И. Ленин заявил, что феодальный строй России отличался от рабовладения именно тем, что при нем «крепостник-помещик не считался владельцем крестьянина как вещи»¹¹⁵. Поэтому историки-марксисты в подавляющем большинстве отрицали рабовладельческий характер крепостного строя. Лишь немногие из них осмеливались противоречить В. И. Ленину. «Но во второй половине XVIII века помещики не случайно называли своих крестьян рабами, — писал М. Т. Белявский. — Они продавали крестьян без земли и в розницу... Крепостной не мог вступить в брак без согласия помещика... Но помещик не только определял семейные отношения крестьян. Он безнаказанно бесчестил их жен и дочерей, создавая настоящие крепостные гаремы и возрождая отвратительные нравы рабовладельцев в отношении своих рабынь. Неограниченный произвол помещиков, простиравшийся на экономическую деятельность крестьянина, его юридическое положение, его имущество, личность и семейные отношения был юридически оформлен и узаконен...»¹¹⁶

Что же касается зарубежных историков, то тождество русского крепостничества и рабства не вызывает у них сомнений — в качестве примера можно привести труды П. Колчина, М. Раева, А. Лентина, Дж. Блюма, Б. Муравьева, Е. Домара, Э. Хобсбаума и многих других авторов¹¹⁷. М. Раев пишет, что не только экономическое положение рабов, но и их юридическое состояние было ужасным¹¹⁸. Дж. Блюм отмечает, что законы Екатерины II низвели положение крестьян «до уровня правового статуса американских негров»¹¹⁹. Б. Муравьев квалифицирует социальную систему, «характеризуемую свободой дворянства от обязательной службы и рабским положением крепостных» как «наиболее одиозную форму государственности» и называет ее «социальным феодализмом»¹²⁰. Э. Хобсбаум, оценивая положе-

ние русских крестьян, подчеркивает, что «рабство было настолько велико, что крестьянин приравнялся к движимому имуществу»¹²¹.

Отягчение крепостничества сказалось и на положении солдат. При Петре I помимо пайка солдату платили три копейки в день, на которые можно было купить 9 кг хлеба, при Екатерине II на дневное жалование можно было купить только 1 кг, но и эти малые деньги обычно присваивали офицеры, которые считали солдат своими крепостными. За малейшую провинность, и просто по прихоти офицеров, солдат жестоко истязали, нанося сотни и тысячи ударов шпицрутенами. В своей ненависти к офицерам солдаты были готовы на все: «За свою отдачу рекруты всегда дышат... самым злодейством и мщением», — писал П. Панин¹²².

Таким образом, трансформация структуры в 1760-х годах привела к резким изменениям в отношениях элиты и простого народа, к крайнему отягощению крепостничества, принявшего формы, практически неотличимые от рабства.

Переход помещиков к предпринимательской деятельности и рабощение крестьян были отражением той трансформации структуры, которая произошла в России в середине XVIII века. До этого времени в России господствовала этактистская монархия, и все сословия были обязаны службой государству. В соответствии с порядком, установленным в XVI веке, владение поместьями и вотчинами было обусловлено тяжелой военной службой; крестьяне были государственными подданными и повинности, которые они несли в пользу дворян, были государственным вознаграждением дворянам за их службу. Эта социальная система коренным образом отличалась от западноевропейской; в Европе дворяне уже давно были никому ничем не обязанными землевладельцами, частными собственниками, земельной буржуазией. В Пруссии и в Польше — и в российской Лифляндии — эта буржуазия вела крупное товарное производство, и там существовали огромные барщинные латифундии, фольварки, которые производили хлеб на экспорт. В погоне за прибылью польские помещики постепенно увеличивали повинности своих крестьян и в конце концов превратили их в рабов. По определению, раб — это собственность другого человека. «Сидящие на земле и отбывающие барщину подданные не только сами, но и со своим потомством составляют собственность помещика», — писал известный правовед Теодор Островский¹²³. В качестве сельского судьи пан обладал над своими крестьянами «правом жизни и смерти», «*jus vitae ac necis*». «У нас без суда и часто без должной причины можно повелеть казнить своего мужа», — свидетельствует король Станислав Лещинский¹²⁴. В Прус-

сии закон не позволял лишать крестьянина жизни, но и там помещики подвергали своих крестьян жестоким наказаниям, продавали их без земли и считали своей собственностью¹²⁵.

Как известно, многие классики исторической науки – среди них Э. Мейер, М. Вебер, М. И. Ростовцев – полагали, что рабовладельческое общество является разновидностью буржуазного общества, при которой не только труд, но и сам человек превращается в товар. Таким образом, польские и прусские латифундисты, подобно американским рабовладельцам, вели товарное производство на основе рыночных, товарно-денежных отношений и рассматривали крепостных как принадлежащий им капитал. Латифундисты были представителями крупной буржуазии, крупными предпринимателями, организаторами товарного производства. По свидетельству прусского сельскохозяйственного эксперта барона фон Гакстгаузена, помещики также смотрели на своих крепостных, как на капитал. Русский помещик говорит своему крепостному, пишет А. фон Гакстгаузен: «Так как ты имеешь какую-то ценность, то следовательно, ты должен зарабатывать столько-то, ты должен принести мне проценты с заключенного в тебе и принадлежащего мне капитала, и следовательно, ты будешь мне платить столько-то»¹²⁶. «В целом можно констатировать, что помещичье хозяйство в условиях крепостничества успешно вписалось в систему рыночных, товарно-денежных отношений», – отмечает В. П. Яковлева¹²⁷. «Крепостное хозяйство было денежно-хозяйственным клином, глубоко вбитым в натурально-хозяйственную ткань страны», – писал П. Б. Струве¹²⁸. При этом, добавлял этот либеральный экономист, «нельзя забывать, что русское крепостное право было – как это указывал с полной ясностью академик Шторх и как постоянно подчеркивали иностранные наблюдатели – *настоящее рабство*»¹²⁹.

Для того чтобы проиллюстрировать рабовладельческие порядки тех времен, мы приведем несколько свидетельств, взятых из книги В. И. Семевского¹³⁰. «Помещик может продать мужа от жены, жену от мужа, детей от родителей, избу, корову, даже и одежду может продать», – писал венгерский путешественник Савва Текели. Текели видел, как на площади в Туле продавали сорок девушек: «Купи нас, купи», – наперебой просили его девушки... «Бывало наша барыня отберет людей парней да девок человек зо, мы посажаем их на тройки, да и повезем на Урюпинскую ярмарку продавать... – рассказывал один крестьянин Саратовской губернии. – Каждый год возили. Уж сколько вою бывало на селе, когда начнет барыня собираться на Урюпино...» В начале XIX века широкая торговля крепостными

велась на базаре в известном промышленном селе Иваново, причем сюда в большом количестве привозили девушек из Малороссии... В Петербург в 1780-х годах людей на продажу привозили целыми барками... Н. И. Тургенев писал: «В одной губернии, как скажут, некоторые помещики ежегодно на ярмарке продают девок приезжающим туда для постыдного торга азиатцам, которые увозят сих жертв... далеко от места их родины». «Всем известно, что помещики-псары за одну собаку меняли сотню людей, — рассказывал один сельский священник. — Бывали случаи, когда за борзую отдавали деревни крестьян. Один продавал девушек-невест по 25 рублей, другой в то же время покупал борзых щенков по 3000 рублей. Стало быть, 120 девушек равнялись одной суке». «Наказание рабов, — свидетельствует один француз, долго живший в России, — изменяется сообразно расположению духа господина... Самые обычные исправительные средства — палки, плети и розги... Я видел, как палками наказывали, как за кражу, так и за опрокинутую солонку, за пьянство и за легкое непослушание, за дурно сваренную курицу и за пересоленный суп... Какие предостережения не принимал я, чтобы не быть свидетелем этих жестоких наказаний — они так часты, так обычны в деревнях, что невозможно не слышать сплошь и рядом криков несчастных жертв бесчеловечного произвола. Эти пронзительные вопли преследовали меня даже во сне». Аббат Шапп, путешествовавший по России в 1760-х годах, писал, что так как помещики имеют право наказывать своих крестьян батогами, «то они употребляют это наказание таким образом, что на деле получают возможность казнить их смертью». Императрица Екатерина, возражая в «Антидоте» на каждое слово Шаппа, в данном случае не нашлась, что ответить.

Рабовладельческие порядки ярко проявились в стремлении помещиков регулировать хозяйственную жизнь крестьян. Широкое распространение получила регламентация вотчинного режима. Некоторые помещики расписывали работу крестьян по часам — причем не только работу на барщине, но и работу в крестьянском хозяйстве¹³¹. Старосты и десятские следили, как крестьянин выполняет свои работы, хорошо ли вспахано его поле, вывезен ли навоз, обработан ли огород, запасено ли сено, накормлена ли скотина, чисто ли в избе — и т. д. Контролю подвергалась и нравственность, приказчики и старосты должны были следить, чтобы не было пьянства и разврата, чтобы молодые почитали старших, а старшие бы не обижали младших¹³². Контент-анализ трех тысяч писем 144 помещиков показал, что в переписке с управляющими они уделяли наибольшее внимание четкой организации хозяйства, детальной регламентации

крестьянского труда, сохранению общины как института крестьянской взаимопомощи и укреплению крестьянской семьи¹³³.

В сохранившихся вотчинных инструкциях А. В. Суворова, Е. Р. Дашковой, А. М. Голицына, Г. Р. Державина, П. А. Полетико, П. А. Демидова, М. М. Щербатова их авторы предстают «нетерпеливыми властными помещиками», требующими «поноровкой прихотям крестьян не попустить их в сущую праздность», «не давать им досыпать ночей и попусту расхаживать»¹³⁴. За «леность», пьянство, мотовство, прогулки по ночам и прочие нарушения немедленно следовало наказание — батоги, розги, плети, тюрьма, а самым «неисправным» — отдача в рекруты¹³⁵. Армия была синонимом каторги; когда рекрутов проводили в армию, то по сложившемуся обычаю им вслед пели похоронные песни¹³⁶.

Стремление регулировать жизнь крестьян привело к вмешательству помещиков в общинные распорядки. Еще в XVI–XVII веках отмечаются случаи, когда при нехватке земли вотчинники предписывали крестьянам переделывать ее по душам или по трудоспособности дворов. В XVIII веке единицей трудоспособности в помещичьих хозяйствах стало «тягло»; за «тягло» первоначально считались муж с женой, позже стали наверх стывать доли «тягла» на подростков и трудоспособных холостяков¹³⁷. К середине XVIII столетия уравнильные переделы по «тяглам» стали уже «старинным обычаем». «Старинное ж у нас обыкновение могущих работать крестьян разверстывать по тяглам, — писал П. И. Рычков, — считая в тягле мужа и жену (а увечных и престарелых из тягла выключают), разделяя по ним землю, где оной не весьма достаточно...»¹³⁸.

«Крестьянство среднерусской полосы, оказавшееся в наиболее суровых условиях помещичье-вотчинной эксплуатации, обретает уравнильно-переделный тип общины», — отмечает Л. В. Милов¹³⁹. «Установлением строго регламентированного надела помещик старался подтянуть всех крестьян до уровня среднего крестьянина», — пишет Л. С. Прокофьева¹⁴⁰. Другой стороной этого регулирования было поддержание больших семей, маленьких общин внутри большой общины, и недопущения «собин» — разделения имущества внутри большой семьи. «Не успеют они (собины — С. Н.) начаться, — указывал А. Т. Болотов, — как начинается вражда и несогласие в семействе... что принуждает их к многочастному разделу. И наконец, доводит до того, что заживные и хорошие дома совсем исчезают и разоряются. Ибо в крестьянском быту, чем который дом семьянистее и согласнее, тем он богаче и заживнее... И не успеют разделиться на многие части, как все приходит в бедность и разорение»¹⁴¹.

Дворяне не были заинтересованы в разорении своих крестьян, ведь безлошадные бедняки не смогли бы исполнять барщину. Поэтому помещики предписывали своим управляющим оказывать необходимую помощь беднякам, предоставлять им ссуды зерном и скотом, облегчать им «тягло», «дабы они могли поправиться». «Ежели для пашни... нет лошади, то надо дать ему господскую лошадь, буде можно и корову с овцой, чтобы был он в состоянии господские и свои работы исправлять», — рекомендует П. И. Рычков¹⁴². «Имей первым делом исправлять бедных и не давать потворства богатым», — писал князь Гагарин своему управляющему¹⁴³. Для укрепления слабого хозяйства управляющий мог выделить из богатого двора «справного мужика» с долей скота и перевести его в слабый двор в качестве «преемыша» или «дольника». Нередко помещик помогал бедняку освоить какое-нибудь ремесло, чтобы затем отправиться на заработки¹⁴⁴. «Молодых робят отдавать в разные мастерства к чужим или к своим, — предписывал своему приказчику князь М. М. Щербатов, — чтобы они, выучась, могли как хлеб себе достать, так и исправны во всяких платежах быть»¹⁴⁵.

В целях поддержания платежеспособности крестьянских хозяйств помещики запрещали крестьянам делать долги, сдавать надельную землю в аренду и поощряли крестьянскую взаимопомощь — старинный обычай «помочей». В рамках «помочей» помещики предписывали общине помогать обрабатывать земли крестьян, временно оказавшихся нетрудоспособными¹⁴⁶. Политика уравнивания имела определенные результаты: специалисты отмечают, что вплоть до реформы 1861 года имущественное расслоение в деревне было небольшим. Чуть больше половины крестьянских дворов имело 2 лошади — то есть принадлежало к «среднякам», около четверти имело 3 и более лошадей, примерно столько же — 1 лошадь, безлошадных было сравнительно немного. Эти средние цифры, однако, скрывают значительные порайонные различия: барщинные крестьяне Черноземья имели больше лошадей, чем оброчные крестьяне Центра¹⁴⁷.

Таким образом, стихийный процесс приспособления крестьян в сочетании с целенаправленным воздействием помещиков привел к трансформации и адаптации крестьянских общин к новым условиям крепостного рабства. Трансформация структуры привела к трансформации общины, что подразумевало, в частности, и некоторую трансформацию крестьянского менталитета в сторону большего коллективизма.

Процесс трансформации крестьянской общины отчасти распространился и на государственных крестьян. В целях обеспечения пос-

тупления оброка и подушной подати Екатерина II стала проводить политику искусственного насаждения передельной общины в тех районах поселения государственных крестьян, где прежде не было переделов (в основном на Севере и в области однодворческих поселений Черноземья). В 1780-х годах в губернии для проведения переделов были посланы специальные экспедиции по главе с «директорами экономии»; иногда (как было в Архангельской губернии) власти приказывали переделывать по душам не только земли, но и все крестьянское имущество¹⁴⁸. При Павле I практика уравнительного передела земель государственных крестьян была утверждена — ее введение аргументировалось ссылкой на порядки помещичьих хозяйств. Однако в некоторых районах, например, на юге Черноземья сохранились однодворческие поселения, где крестьяне владели своей землей практически на правах собственников¹⁴⁹.

Основным содержанием социальных сдвигов, произошедших в структуре «государство — элита — народ» в середине XVIII века было подчинение государства элитой, перераспределение ресурсов государства и народа в пользу элиты и резко усилившееся давление элиты на народ с целью его подчинения и порабощения. Народ, естественно, оказывал сопротивление отягчению крепостничества. Самой распространенной формой сопротивления крестьян было бегство. Поскольку донские казаки перестали давать убежище беглецам, то усилилось бегство за границу; в 1767 году смоленские дворяне заявили, что в Польшу бежало 50 тысяч крепостных со Смоленщины¹⁵⁰. Участились и крестьянские волнения; в 1756–1760 годах происходили выступления монастырских крестьян, давшие Петру III повод к секуляризации монастырских земель. Когда Екатерина II приостановила секуляризацию, волнения приняли еще более широкий характер. По сведениям Н. Л. Рубинштейна, в 1762–1769 годах имело место 73 крестьянских выступления¹⁵¹. Императрица с тревогой писала, что 150 тысяч монастырских и помещичьих крестьян находятся в явном возмущении и предписывала войскам использовать пушки, действовать против крестьян «аки против неприятеля». После того, как монастырские крестьяне стали государственными, распространился слух, будто Петр III хотел сделать государственными и помещичьих крестьян, и именно за то был убит дворянами. В 1773 году казак Емельян Пугачев объявил себя «императором Петром Федоровичем» и поднял на восстание казаков и крестьян на Яике. Повстанцы убивали дворян, выступая под лозунгами свободы и возвращения к старым московским порядкам. Пугачев говорил, что в случае победы он прикажет всем

держаться старой веры, носить русское платье и запретит брить бороды¹⁵².

31 июля 1774 года «император Петр III» именным указом пожаловал крепостных крестьян «вольностью и свободой» и призвал их «казнить и вешать» своих господ. Тому, кто убьет помещика, обещали 100 рублей, тому, кто убьет 10 помещиков — 1000 рублей и генеральский чин. Ненависть к господам была такова, что восставшие вырезали дворян целыми семьями. Во время восстания было убито в общей сложности около 1600 помещиков, включая их жен и детей, около 1 тысячи офицеров и чиновников и больше 200 священников — уже тогда официальные священники воспринимались повстанцами как «продавшие Христа» прислужники власти. Правительство Екатерины, в свою очередь, «наводило порядок» самыми жестокими методами, оно воскресило самые изуверские и уже забытые виды казни — такие, как колесование, четвертование, повешение за ребро на крюк и т. д.¹⁵³

В конечном счете повстанцы были разбиты, но восстание показало всю глубину раскола между «двумя нациями» и масштабы накопившейся ненависти. Оказалось, что огромные массы народа ненавидят существующую власть и готовы в любой момент обратиться против захвативших престол «русских немцев». Этот раскол сохранялся до 1917 года и проявлял себя во всех событиях XIX века — любое затруднение власти, смена царствования или война с внешним врагом вызывали враждебные верхам движения народных низов. Пословица «люби барина в гробу» стала зеркалом социальных отношений в Российской империи.

Подавление восстания Пугачева сделало возможным дальнейшее увеличение оброков и барщин. Однако возникает естественный вопрос: почему сопротивление крестьян не привело, как это было в начале XVII века (и в 1670-х годах) к отступлению дворянства и уменьшению ренты? Очевидно, изменилось соотношение сил между борющимися сословиями, между крестьянством и дворянством. В начале XVII века крестьяне действовали вместе с казаками и даже с частью дворян; они неоднократно одерживали победы над правительственными войсками. В 1773–1774 годах крестьяне тоже действовали вместе с казаками, но, как правило, терпели поражение даже при очень большом численном превосходстве. Дворянство одержало победу с помощью регулярной армии, созданной Петром I, и следовательно, причиной его превосходства над народом в конечном счете были, во-первых, мощь новой армии и нового оружия, и во-вторых, подчинение дворянами государства, которому принадлежали эти армия и оружие.

Таким образом, выявляется существенная роль технического фактора, определившего полное преобладание профессиональной армии над многочисленными, но плохо вооруженными и необученными повстанцами. Но более выпуклой становится также и роль обстоятельств, которые позволили элите овладеть государством и армией, в частности роль гвардейских полков в событиях 1741 и 1762 годов (и, забегаая вперед, в событиях 1801 года). Речь идет о степени влияния элиты на офицерский корпус армии и, в частности, о том, может ли это влияние превосходить влияние государства, которому формально принадлежит армия. Влияние государства на армию определяется прежде всего авторитетом монарха: мы видим, что при всем недовольстве дворянства гвардия покорно подчинялась не только Петру I, но и Анне Иоанновне. Но конечно, влияние государства на армию резко падало, когда на престоле волею случая оказывался ребенок или плохо говоривший по-русски иностранец. В конечном счете мы приходим к выводу о важной роли династических кризисов и обеспечения преемственности власти в монархических государствах — к вопросу, важность которого так хорошо понимал Петр I, так и не сумевший его разрешить.

3.6. СЖАТИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОМ РАЙОНЕ

Главным фактором, определявшим развитие Центрального района, было перенаселение, первые признаки которого отмечались уже в 1730-х годах. В 1770-х годах в Центральном районе было распаханно 32% территории, и большая часть оставшихся земель — это были неудобные и скудные земли¹⁵⁴. Ввиду недостатка земли помещики Центральных областей переводили своих крестьян на оброк. Однако влияние крупнейшего потребительского центра, Москвы, привело к тому, что в Московской губернии, а также в северных уездах Калужской губернии сохранилось преобладание барщины. В «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию имеются массовые статистические данные по семи уездам Московской и Калужской губерний: Клинскому, Дмитровскому, Малоярославецкому, Боровскому, Тарусскому, Серпуховскому и Мосальскому. В этих уездах было в общей сложности около 100 тыс. барщинных крестьян, которые обрабатывали на себя в среднем 0,96 десятины на душу, а на помещика — 0,5 десятины¹⁵⁵. По сравнению с 1720-ми годами барщина увеличилась на треть, а размер крестьянского надела был сведен к тому минимуму, о котором писал В. Н. Татищев — 1 десятина на душу. При урожа-

ях 1770-х годов с такого надела можно было собирать 17 пудов хлеба, из них 1,8 пуда уходило на уплату подушного налога и покупку соли, так что в распоряжении крестьянина оставался как раз минимальный паек в 15 пудов.

Согласно неомальтузианской теории, перенаселение должно было вызвать частичный переход крестьян к занятию ремеслами — и действительно, главным фактором, определявшим жизнь крестьян Центрального района, было развитие промыслов. Промыслы позволяли избыточному населению Центра кормиться, обменивая продукты своего труда на хлеб, поступавший с Юга. В царствование императрицы Екатерины развитие крестьянских ремесел заметно ускорилося. «Историческое и топографическое описание Московской губернии», составленное в 1787 году, дает обстоятельное описание крестьянской торговли и промышленности по уездам. По свидетельству этого источника, крестьяне Московского уезда больше упражняются в ремеслах, нежели в хлебопашестве, среди них распространено ткачество полотняных и шелковых тканей, изготовление глиняной посуды, кузнечное, слесарное, столярное и прочие ремесла¹⁵⁶. Особую роль играло производство грубых льняных холстов, которые шли не только на изготовление крестьянской одежды, но и на паруса для кораблей — поэтому их охотно покупали иностранцы. В Дмитровском уезде Московской губернии на душу приходилось лишь 0,7 десятины пашни, и крестьяне занимались сапожным, извозным, гребенным промыслами¹⁵⁷. Десятая часть мужского населения Московской губернии ежегодно отправлялись на заработки¹⁵⁸. Похожая ситуация складывалась и в соседних губерниях. В Егорьевском уезде Рязанской губернии к середине XVIII века были вырублены все леса, и малоземелье заставляло крестьян платить большие деньги за аренду угодий. В 1770-х годах большая часть населения уезда стала заниматься ремеслом, в селах развилось производство бочек, колес, полозьев, тысячи крестьян отходили на работы в Москву и бурлачили на Оке¹⁵⁹.

По некоторым оценкам, в 60–90-е годы XVIII века количество вольнонаемных работников из числа отходников и постоянных рабочих увеличилось с 220 до 420 тыс.¹⁶⁰ Половину этого числа составляли бурлаки — это говорит о том, что крестьяне зарабатывали дополнительные средства на жизнь не только производством ремесленных изделий для знати и ее дворни, но и перевозкой хлеба в потребительские центры, в Москву и Петербург, где была сосредоточена знать.

Развитие промыслов позволяло помещикам Центрального района требовать повышенные оброки со своих крестьян. Один из ини-

рис. 3.4. Динамика оброков и податей в Центральном районе (в пудах хлеба на душу населения)¹⁶¹.

циаторов новых принципов хозяйствования, князь М. М. Щербатов, в 1763 году перевел своих ярославских крестьян на денежный оброк, эквивалентный 8 пудам хлеба с души. Крестьяне не могли производить столько хлеба, но предприимчивый князь построил в своей вотчине полотняную мануфактуру, и крепостные нанимались на нее, возвращая часть заработанных денег в качестве оброка¹⁶². Другой тип помещика представлял граф П. Б. Шереметев: этот богатейший в России вельможа владел 170 тыс. крепостных; он не вникал в хозяйственные вопросы и предоставлял крестьянам своих нечерноземных вотчин максимально широкую свободу в зарабатывании для него денег. Сотни крестьян Шереметева занимались торговлей и имели лавки в Москве и Петербурге; некоторые из них, разбогатев, становились владельцами маленьких мануфактур — граф, как правило, не отнимал у «капиталистских» крестьян все заработанные ими деньги, а лишь повышал оброк. В шереметьевском селе Иванове и его окрестностях в 1803 году было 60 ситцевых мануфактур, а в селе Павлове больше 300 ремесленных мастерских, производивших замки, ножи, ружья¹⁶³.

Хотя наладившийся товарообмен позволял многим крестьянам жить за счет промыслов и питаться привозным хлебом, продовольственное положение Центра оставалось тяжелым. Данные, приводимые И. Д. Ковальченко и Л. В. Миловым, говорят о том, что в Московской и Тверской губерниях в конце XVIII века потребление хлеба было ниже минимальной нормы¹⁶⁴. После некоторого улучшения

Табл. 3.1. Динамика оброка в некоторых уездах Центрального района (пудов хлеба на душу)¹⁶⁵.

<i>Губерния</i>	<i>Уезд</i>	<i>Крестьян (тыс.)</i>	<i>1769–73</i>	<i>1773–78</i>	<i>1782–89</i>
Костромская	Кинешемский	13,4		3,3	3,9
Костромская	Нерехотский	21,7		5,4	5,8
Рязанская	Егорьевский	31,8	7		9,5

экономической ситуации в середине XVIII века положение снова стало ухудшаться. В 1767 и 1775 годах Центральные районы были поражены голодом, а 1771 год был отмечен эпидемией чумы¹⁶⁶. В 1787–1788 годах, как отмечалось выше, разразился новый кризис, сопровождавшийся катастрофическим голодом. Восстановление после кризиса было медленным, и темпы роста населения оставались низкими (см. рисунок 2.2), если же рассматривать рост рекрутов, то этот параметр указывает не на улучшение, а на ухудшение ситуации (см. рисунок 3.5). Фактически после 1787 года Сжатие в Центральном районе стало постоянным явлением, и по отношению к последующим временам иногда можно говорить о его временном ослаблении, но не о прекращении.

Величина оброка в различных уездах в большой степени зависела от развития ремесел, от близости столиц, от наличия водных путей — в общем, от возможности для крестьян заниматься ремеслами на месте или уходить на отхожий промысел. Имеющиеся массовые данные показывают большую пестроту оброков (см. таблицу 3.1), что позволяет некоторым авторам говорить о невозможности вычисления «среднего» оброка для больших регионов¹⁶⁷. Попытки такого рода, однако, делались, и ниже мы приводим оценки оброков, принадлежащие В. И. Семевскому и Л. В. Милову. Первая оценка относится ко всей России, вторая — к Центральному району.

Отметим, что А. Кахан, используя оценку В. И. Семевского, построил таблицу динамики оброка в период 1730–1800 годов¹⁶⁸. Но как видно из таблицы 3.2 в существующих оценках имеются большие расхождения, поэтому, на наш взгляд, цифры А. Кахана не отличаются надежностью, что отчасти признает и сам автор¹⁶⁹. Заниженная оценка В. И. Семевского приводит А. Кахана к выводу, что совокупные размеры ренты и налогов в посланнинский период не увеличивались, что происходило лишь замещение убывающей подушной подати помещичьими оброками¹⁷⁰. Однако, если

Табл. 3.2. Динамика оброков по В. И. Семевскому и Л. В. Милову в расчете на ревизскую душу (в руб.) и на душу населения (в пудах хлеба)¹⁷¹.

годы	Оценка В. И. Семевского			годы	Оценка Л. В. Милова		
	Цена юфти		Оброк (пуд.)		Цена юфти		Оброк (пуд.)
	Оброк (руб.)	хлеба (руб.)			Оброк (руб.)	хлеба (руб.)	
1760-е	1-2	2,2	3-6				
1770-е	2-3	3,5	3,9-5,8	1770-73	2	3,5	3,8
1780-е	4	4,6	5,8	1780-е	5-7	4,6	7,2-10,1
сер. 1790-х	5	7,4	4,5	1797-99	7-10	7,2	6,5-9,3

использовать оценку Л. В. Милова, и учесть платежи за соль, то получится, что совокупные платежи в хлебном эквиваленте возросли с 7-7,5 пудов хлеба в 1730-х годах до 8,5-11,4 пудов в 1780-х годах (см. рисунок 3.4 и таблицы 2.2 и 3.2). Таким образом, помещичья рента росла быстрее, чем уменьшались государственные налоги.

При недостатке массовых данных о динамике ренты можно судить лишь по ее изменению в отдельных больших имениях. Однако сопоставимые данные о динамике оброка за длительные промежутки времени имеются в литературе лишь для небольшого числа имений, некоторые из них представлены на рисунке 3.4. Известны также данные об оброке государственных крестьян, но он, по-видимому, возрастал медленнее, чем оброк помещичьих крестьян.

В целом вырисовывается картина значительного роста оброков с 1750-х до 1780-х годов. Голод 1787-1788 годов и наступившая затем инфляция привели к некоторому снижению ренты, как в Центральных областях, так и на Черноземье.

Как отмечалось выше, развитие ремесел в Центральном районе было следствием проявлявшегося там относительного перенаселения. В соответствии с неомальтузианской теорией развитие ремесел должно было бы вызвать рост городов: в странах, где население обладает свободой передвижения, ремесленники стремятся поселиться ближе к крупным рынкам и уходят из деревень в города. Однако в России крестьяне были прикреплены к земле, поэтому ремесло имело преимущественно деревенский характер, а стремление к пе-

Табл. 3.3. Численность и социальный состав городского населения (в границах 1737 года без Прибалтики, Украины, Белоруссии и Бессарабии)¹⁷².

	1737	1796	1825	1857	1870
Все население (тыс.)	1074	1644	1970	2445	2566
в т. ч. (%) дворяне и чиновники	2,6	3,0	4,3	6,4	6,0
духовенство	2,4	2,4	2,2	2,3	2,2
военные	9,9	11,9	11,0	12,5	12,2
городские сословия	39,8	38,3	41,8	45,9	47,1
крестьяне	19,9	29,2	27,4	25,9	30,5
дворовые слуги	12,2	8,4	8,3	4,4	0
разночинцы	13,2	6,8	5,1	2,6	2,0

реселению в города приняло форму сезонного отходничества. Мануфактуры также часто располагались не в городе, а в деревне и имели характер вотчинных предприятий. В 1725 году на предприятиях обрабатывающей промышленности было занято 14 тыс. работников, из них только 2 тыс. в деревне; в 1803–1804 годах — 75 тыс., из них 34 тыс. в деревне¹⁷³.

Что касается других регионов помимо Центра, то в Черноземном регионе и в Поволжье было достаточно свободных земель, и у крестьян не было стимула к переселению в города. Поэтому в целом российские города росли в XVIII веке очень медленно, численность городских сословий возросла в 1719–1796 годах только на 34% (в границах первой ревизии без Прибалтики); в перенаселенном Центральном районе рост был более быстрым — 61%¹⁷⁴. Темп роста населения городов в 1743–1783 годах составлял 0,84% в год, причем на долю миграций из деревни приходилось только 0,04%, а 0,8% — на естественный прирост. Сельское население росло значительно быстрее, поэтому доля горожан в населении страны сократилась с 11,5% в 1740-х годах до 7,1% в 1830-х годах¹⁷⁵.

Как отмечалось выше, в 1678 году численность городского населения оценивалась примерно в 329 тыс. душ мужского пола, причем собственно городские сословия (тогда именуемые «посадскими людьми») составляли только 40% горожан, а 45% составляли «служилые люди» — стрельцы, пушкари, казаки и т. д. При Петре I «служилые люди» были определены в солдаты или в посадские люди,

но военные продолжали составлять значительную часть населения русских городов. «Настоящие» горожане входили в городские сословия посадских, мещан, купцов, «цеховых»; их доля, как и прежде, составляла около $\frac{2}{5}$ всего населения. Другую значительную часть населения городов составляли крестьяне, занимавшиеся ремеслом или торговлей по большей части нелегально, без приписки к посаду. Доля крестьян в населении городов возросла с 20% в 1737 году до 29% в 1796 году, и этот процесс показывал, что общая тенденция к миграции части крестьян в города все же пробивала себе дорогу.

3.7. СТРУКТУРНЫЙ КРИЗИС 1787–1788 ГОДОВ

Трансформация структуры и резкое перераспределение ресурсов в пользу дворянства привели к сокращению экологической ниши народа. Также, как в 1560-х, 1590-х и 1710–20-х годах, чрезмерное изъятие ресурсов было чревато большим голодом и демографическим кризисом.

Необходимо отметить, что во второй половине XVIII века почвы на Черноземье понемногу истощались и урожайность падала, в 1780–90-х годах она уменьшилась до сам-3,9. По данным губернаторских отчетов, средний чистый сбор в начале 1780-х годов составлял в Орловской губернии 43 пуда на душу, затем он уменьшился и в среднем за 1780–90-е годы был равен 32 пудам. Примерно таким же был чистый сбор в конце века в Тульской и Рязанской губерниях¹⁷⁶. За вычетом необходимых для потребления 15 пудов на оброк и налог остается 17 пудов — как отмечалось выше, именно таким был уровень ренты в Орловском уезде в начале 1780-х годов, и таким образом, у крестьян не оставалось никаких запасов зерна. Л. В. Милов указывает, что помещики буквально «выдирали» прибавочный продукт из крестьянских хозяйств¹⁷⁷. В случае неурожая такое положение было чревато голодом, и действительно, за плохим урожаем 1785 года последовал неурожай 1786 года, и в следующем, 1787 году, разразился голод невиданной прежде силы. По свидетельству князя М. М. Щербатова, голод произошел от «недостатка запасного хлеба и уменьшения доброты» земель¹⁷⁸. Крестьяне Юсуповских вотчин в Нижегородской губернии писали, что «запасного старого хлеба у нас... ни у единого человека не имеется»¹⁷⁹. В ряде губерний (например, в Калужской) отсутствие запасов привело к тому, что осенью 1787 и весной 1788 года крестьяне не имели зерна на посев, поля не были полностью засе-

яны, поэтому урожай 1788 года был скудным, и голод продолжался до осени 1789 года — то есть более двух лет¹⁸⁰. Характерно, что в наибольшей степени пострадали черноземные губернии, где прежде голод и неурожаи были большой редкостью¹⁸¹, а теперь непомерно увеличившиеся оброки отнимали у крестьян все излишки. При этом, как можно видеть из таблицы 2.1, период 1781–1800 годов в целом был благоприятным в сельскохозяйственном отношении: это было время относительного потепления, когда количество экстремальных сельскохозяйственных сезонов было невелико. Таким образом, голод был результатом интенсификации помещичьего хозяйства и увеличения ренты.

Характерно, что правительство пассивно отнеслось к этому бедствию и в отличие от времен Петра I и Анны Иоанновны не пыталось конфисковать хлебные излишки и раздавать их голодающим. Монархия уже не имела сил для энергичного вмешательства в частную хлебную торговлю. «Ныне, когда большая часть государства с голоду помирает, — писал М. М. Щербатов, — кажется, на сие правительство наихолоднейшим духом смотрит»¹⁸².

По существу, кризис 1787–1788 годов был подобен кризису 1723–1726 годов, только теперь хлеб у народа отнимала элита, а не государство. Новая трансформация структуры, как и все предыдущие, привела к отнятию ресурсов у народа и к голоду. Свидетельством нового усиления Сжатия было падение естественного прироста населения. Естественный прирост в Центральном регионе уменьшился с 0,73% в 1763–1782 годах до 0,26% в 1783–1795 годах (см. рисунок 2.2). Другим свидетельством уменьшения потребления было существенное уменьшение роста рекрутов, родившихся в 1780-х годах (см. рисунок 3.8).

Кризис 1787–1788 годов стал одной из причин последовавшего затем уменьшения ренты: в период после голода помещики уже не могли повышать оброки. Между тем чрезмерная эмиссия ассигнаций в конце правления Екатерины II вызвала инфляцию. Помещики не могли угнаться за быстрым ростом цен: в Тульском имении Юсуповых оброк в переводе на хлеб уменьшился с 11 пудов в 1778–1782 годах до 6 пудов в 1890-х годах¹⁸³. А. Б. Куракин не стал состязаться с ценами и перевел своих крестьян на барщину. А. М. и Д. М. Голицыны увеличили в 1793 году оброк до 4 рублей с души мужского пола, но в хлебном исчислении душевой оброк уменьшился до 6 пудов. Правда, рента в имениях Голицыных, по-видимому, была меньше, чем у их соседей: А. М. Голицын писал, что другие помещики берут по 6 рублей (то есть по 9 пудов)¹⁸⁴. Мы не имеем массовых данных

по Тульской губернии, но данные по Тамбовской и Рязанской губерниям говорят, что в 1788–1793 годах средний оброк составлял 9–10 пудов. Благодаря уменьшению ренты потребление оброчных крестьян несколько возросло¹⁸⁵.

Таким образом, помещики временно отступили, потребление крестьян увеличилось, голод прекратился, и естественный прирост населения снова вырос (см. рисунок 2.2). Страна вышла из кризиса, и Сжатие на время ослабло. Это улучшение ситуации, по-видимому, было связано также и с новой политикой монархии, с возвратом к этатизму и ограничением барщины императором Павлом I.

3.8. ПАВЕЛ I: ВТОРАЯ ПОПЫТКА ТРАНСФОРМАЦИИ ПО ПРУССКОМУ ОБРАЗЦУ

Сын Екатерины II и Петра III, Павел был воспитан по учебной программе французских дофинов, он знал французский, немецкий, итальянский языки, изучал историю, географию, естественные науки. Особое внимание уделялось изучению французской литературы: наследник престола штудировал Корнеля, Вольтера, Руссо. Он почитал Руссо до такой степени, что во время путешествия по Европе в 1781 году специально посетил Эрменонвиль, чтобы возложить цветы на могилу философа. Идеалом Павла был Фридрих Великий, во время пребывания в Берлине прусский король произвел на великого князя такое впечатление, что Павел стал подражать ему даже в мелочах — в одежде, в походке, в манере ездить на лошади, в режиме дня, в грубоватом солдатском обхождении. Речь шла не только о подражании королю: идеалом Павла было прусское «регулярное государство» — четкая бюрократическая организация, регламенты, дисциплина, военная выучка — то, чем Пруссия славилась во всей Европе. Вернувшись в Россию, Павел создал в Гатчине «маленькую Пруссию»: чистый городок с аккуратными домиками, больницей, школой, четырьмя церквями разных исповеданий и караульными будками, окрашенными в прусские государственные цвета. В Гатчине было несколько устроенных по прусскому образцу мануфактур и обученная по-прусски маленькая армия. Армия была одета в прусские мундиры, ее возглавлял прусский полковник, а офицеры — хоть и русские — придумывали себе вторые немецкие фамилии¹⁸⁶.

О приверженности Павла теории «регулярного государства» и «общего блага» говорит его «Наказ», написанный по случаю отправления на войну со Швецией в 1788 году. «Предмет каждого обще-

ства — блаженство каждого и всех... — писал Павел. — Крестьянство содержит собою все прочие части и своими трудами, следственно, особливо уважения достойно...»¹⁸⁷ К. Валишевский утверждает, что цель Павла «заключалась в том, чтобы подражать Фридриху II, следовать по стопам Петра Великого, продолжать работу Петра III...»¹⁸⁸ Петр Великий начал построение российского «регулярного государства», Петр III попытался его продолжить, а правление Павла было уже третьей попыткой такого рода. Однако еще в 1776 году хорошо знавший Павла и симпатизировавший ему Фридрих II предрек этой попытке печальной будущее. Прусский король выказал опасение, что Павлу с его гордым характером будет трудно удержаться на троне и управлять народом, распущенным слабым правлением императриц, что он должен страшиться участи, подобной участи его несчастного отца¹⁸⁹.

Реформы Павла I, прежде всего, преследовали цель наведения порядка в государственных учреждениях, восстановления дисциплины в гвардии и в армии. Полторы тысячи малолетних офицеров были исключены из списков; примерно таким же было число отставленных за хищения; два десятка генералов и более ста старших офицеров были сосланы в Сибирь¹⁹⁰. Особенно суровой была чистка в Конной гвардии, где из 139 офицеров были отставлены только двое¹⁹¹. «Начиная с Павла, — свидетельствует А. Ф. Ланжерон, — довольствие всегда выдавалось точно и даже до срока. Полковники не могли более присваивать то, что принадлежало солдатам»¹⁹². Повышения теперь производились строго по старшинству, отпуск офицеров был ограничен 28 днями. Отягчение условий службы привело к увольнению многих офицеров-дворян; высвободившиеся вакансии заполнялись в значительной степени прибалтийскими немцами; это вновь привело к «опруссачиванию» русской армии. Во время войн с Францией 9–11% офицеров имели нерусские фамилии; особенно много немцев было среди генералов¹⁹³. Известна история, что когда собравшиеся в ожидании царя генералы обсуждали перипетии Кульмской битвы на немецком языке, вошедший А. П. Ермолов недоуменно спросил: «Господа! Здесь кто-нибудь говорит по-русски?»

Условия службы офицеров при Павле стали намного более тяжелыми, но в армии возобновилась боевая подготовка, император сам принимал вахтпарады, заставляя гвардейцев маршировать «пруссским шагом». Была введена прусская форма, в войсках появились «пруссские» флигельманы, гренадерские полки были снова упразднены, количество кирасирских полков было увеличено с 6 до 16¹⁹⁴. Мно-

гие современники, в том числе генерал Л. Л. Беннигсен, полковник Н. А. Саблуков, писатель А. Коцебу подчеркивают заботливое отношение Павла I к солдатам: их жалование и довольствие были существенно увеличены, и — между прочим — солдаты впервые получили удобные и теплые шинели¹⁹⁵.

Павел пытался отучить гвардию от роскошной и праздной жизни, превратить ее из скопища придворных в воинскую часть. Офицерам было запрещено ездить в каретах, носить шубы и муфты; мундиры отныне должны были шить из простого сукна, так что они были в 5 раз дешевле прежних. Был запрещен импорт европейских тканей, хрусталя, фарфора, зеркал и прочих предметов роскоши. Офицерам было запрещено брать в долг деньги и товары, за большие долги их сажали под арест, а их жалование шло кредиторам¹⁹⁶. Император пытался личным примером противостоять тому стремлению к роскоши и моральному разложению, которое охватило русское дворянство при Екатерине II. Павел был скромн в быту и одежде, постоянно ходил в одном и том же простом мундире, экономил на дворцовых расходах. Многие наблюдатели отмечали стремление царя бороться с пьянством, развратом, карточной игрой¹⁹⁷.

Павел считал, что (как и в Пруссии) военная служба должна быть для дворян делом рыцарской чести — отсюда его постоянные разговоры о «рыцарстве». В начале 1797 года император предложил всем дворянам выбрать себе службу, а также велел «наблюдать, чтобы все сословные преимущества соответствовали служебным заслугам, чтобы не было дворян-тунеядцев»¹⁹⁸. Это была не формальная отмена «вольности дворянства», а скорее форма морального давления, тем не менее это давление не могло быть приятным привыкшим к «вольности» помещикам. Были уничтожены губернские дворянские собрания и ограничено местное дворянское самоуправление. Таким образом, Павел I пытался более жестко регламентировать положение дворянства, не позволяя ему злоупотреблять «вольностью» и диктовать свои требования государству. Павел восстановил принципы неограниченной абсолютной монархии, независимой от воли сословий, но это не значило, что он был «противодворянским царем». Наоборот, в соответствии с идеалом Фридриха Великого, Павел относился к дворянству как к «благородному рыцарству» и отводил ему почетное положение — но в рамках регулярной абсолютной монархии. Как и Фридрих, Павел раздал своим «рыцарям» тысячи удельных крестьян — он искренне надеялся на «отеческое» отношение дворян к крепостным. По примеру Фридриха Павел утвердил монополию потомственных дворян на офицерские должности и от-

правил в отставку всех офицеров-недворян. Как и в Пруссии, для дворян был образован Вспомогательный дворянский банк, предоставлявший льготные ссуды под залог имений¹⁹⁹.

В соответствии с режимом экономии расходы на двор, составлявшие в 1795 году 10,6 млн. рублей, уменьшились в 1797 году до 1,2 млн. руб., то есть почти в 10 раз. Было произведено сокращение чиновничьих штатов, но вместе с тем, в целях предотвращения взяточничества, повышено жалование чиновникам (так поступал и Фридрих II). Была налажена дисциплина среди чиновников и введены регулярные ревизии, уделявшие особое внимание жалобам на взяточничество и лихоимство²⁰⁰. Сокращая расходы на двор и чиновничество, император увеличивал расходы на армию и флот: в 1796–1801 годах они возросли с 27,7 млн. до 41,7 млн. руб.

Подражая Фридриху Великому и Иосифу II, Павел пытался регламентировать отношения между дворянами и крестьянами. Он допустил крестьян к присяге, вернул им право жалобы, запретил работу по воскресеньям и ограничил барщину тремя днями в неделю. Закон об ограничении барщины, торжественно оглашенный в апреле 1797 года, в основных чертах копировал «Патент о барщине» Иосифа II и Марии Терезии (1775 год), также ограничивавший барщину тремя днями. Павел встречался с Иосифом II в Вене в 1781 году, как раз в те дни, когда австрийский император объявил об отмене крепостничества. Оба императора были поклонниками Руссо. По классификации П. И. Рычкова, норма барщины, установленная законом 1797 года, было «умеренной», то есть минимальной из всех норм, — необходимо отметить, при жизни Павла I этот закон воспринимался вполне серьезно²⁰¹.

Подобно Фридриху II, Павел I уделял особое внимание государственным крестьянам. Государственные крестьяне в отличие от помещичьих считались «свободными сельскими обывателями», хотя формально были прикреплены к земле и могли переселяться только с разрешения властей. В 1762 году численность государственных крестьян увеличилась за счет секуляризации владений духовенства. Кроме того, на протяжении XVIII века столетия оброки государственных крестьян были значительно меньше, чем оброки помещичьих крестьян, поэтому их численность росла быстрее. В 1719 году государственные и дворцовые крестьяне составляли 26% всех крестьян, а к концу столетия — 44%. Резко возросшая роль государственного крестьянства заставила правительство — в соответствии с европейскими веяниями — принять меры к поощрению его хозяйственной деятельности. В 1797 году было учреждена «Экспедиция государствен-

ного хозяйства», занимавшаяся «попечением о развитии земледелия», была создана «Практическая школа земледелия» в Павловске, учащиеся которой осваивали основы новой западной агрономической науки: многопольную систему, травосеяние, приемы мелиорации, правила удобрения полей и т. д.²⁰²

Финансовые мероприятия Павла I были подчинены задаче восстановления утраченных при Екатерине II доходов казны. Чтобы компенсировать обесценение подушной подати в результате скачка инфляции в конце правления Екатерины II, Павел увеличил подать с 1 рубля до 1 рубля 26 копеек с души мужского пола. В хлебном исчислении подушная подать в Центральном районе возросла с 0,9 до 1,2 пуда на душу (всего населения), но ее размеры по-прежнему были в три с лишним раза меньше, чем при Елизавете²⁰³. После того, как реальные размеры подушной подати резко сократились, главную роль в прямых налогах стал играть оброк с государственных крестьян; в конце правления Екатерины II он превосходил подушную подать в полтора раза. Не осмелившись существенно увеличить подушную подать помещичьих крестьян, Павел I увеличил оброк казенных крестьян с 3 до 4–5 рублей с ревизской души, введя дифференциацию по губерниям в зависимости от развития ремесел. После этого повышения крестьяне платили в Центральном районе в пересчете на хлеб примерно 4,2 пуда с души, а в черноземном районе 6,7 пуда — столько же, сколько в 1780-х годах, до последнего всплеска инфляции. В целом государственные крестьяне Центрального и Черноземного районов платили казне 5 рублей оброка и 1 рубль 26 копеек подушной подати с ревизской души, а помещичьи крестьяне только 1 рубль 26 копеек, то есть в 5 раз меньше.

В целом усилия Павла I по восстановлению сильного государства не прошли бесследно. Если в последние годы правления Екатерины доходы государства в пересчете на хлеб составляли 2,6 пуда хлеба на душу населения, то при Павле они поднялись до 5 пудов — таким образом, правительству удалось увеличить доходы казны и вернуться к уровню налогообложения доекатерининских времен. Это восстановление военных и финансовых сил государства имело большое значение в преддверии войн с Наполеоном. «Император Павел, — доносил прусский агент в 1801 году, — создал в некотором роде дисциплину, регулярную организацию, военное обучение русской армии, которой пренебрегала Екатерина II»²⁰⁴. Американский историк Р. Мак-Грю полагает, что Павлу I удалось восстановить порядок в государственном аппарате и боеспособность армии, более того, именно Павел создал ту централизованную систему управления и воени-

рис. 3.5. Цена пуда ржи в Центральном районе в граммах серебра²⁰⁵.

зированную бюрократию, которые были характерны для России первой половины XIX века²⁰⁶.

Однако, как пишет Ю. А. Сорокин, «жесткое требование беспорочной службы со стороны императора вызвало невиданное озлобление петербургского дворянства против личности Павла»²⁰⁷. Пророчество Фридриха II сбылось, император был убит заговорщиками, и попытка восстановления «регулярного государства» закончилась неудачей. Дворянство вернуло свои «вольности», и закон об ограничении барщины стал мертвой буквой.

3.9. ЦЕНЫ И ПОТРЕБЛЕНИЕ В XVIII ВЕКЕ

До сих пор мы уделяли главное внимание динамике перераспределения ресурсов в структуре «государство—народ—элита» и ее трансформациям, происходившим в XVIII веке. Теперь нам необходимо вернуться к анализу основных макроэкономических параметров, изучаемых демографически-структурной теорией, к ценам и потреблению.

График на рисунке 3.5 дает общую картину движения цен в этот период. Из графика видно, что в правление Петра I, в 1707–1720 годах, цены выросли втрое, а затем, в 1723–1725 годах последовал голод и структурный кризис. Потом цены уменьшились, и положение улучшилось, но все же впоследствии имел место голод в 1733–1735 го-

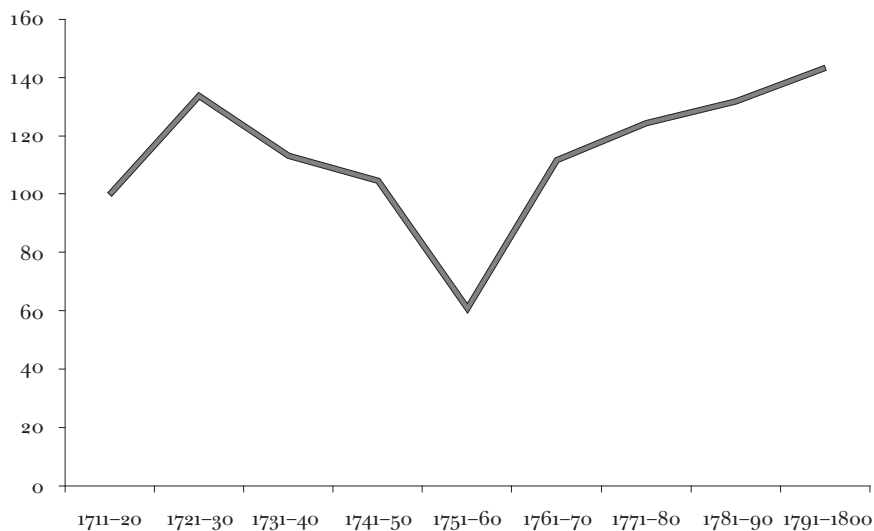

Рис. 3.6. Нормированный индекс цен на рожь для Центрального района²⁰⁸.

дах. В 1750-х годах цены уменьшились, очевидно, за счет организации подвоза хлеба из Черноземного района. В начале 60-х годов, однако, последовал резкий рост цен, отчасти объясняющийся инфляцией в результате эмиссии медных денег, которые номинально приравнивались к серебру. Но помимо инфляции играло роль и увеличение ренты, и в итоге мы видим резкий скачок цен во время голода 1766–1768 годов. После голода произошло некоторое снижение цен, но затем эмиссия бумажных ассигнаций привела к новому росту. В конечном счете увеличение ренты и отсутствие запасов хлеба в крестьянских хозяйствах вызвали структурный кризис в 1787–1788 годах.

В целом тенденция к росту цен соответствует прогнозу демографически-структурной теории. Цены растут, но неравномерно, что, очевидно, объясняется происходившим одновременно с ростом населения освоением Черноземья (расширением экологической ниши), а также инфляционными процессами, эмиссией медных денег и ассигнаций.

Влияние инфляции было весьма существенным, количество денег в обращении в расчете на душу населения (т. н. «per capita circulation», «душевое обращение») на протяжении XVIII века увеличилось в несколько раз. Поэтому представляется важным попытаться исключить инфляцию, что можно сделать, например, поделив индекс цен

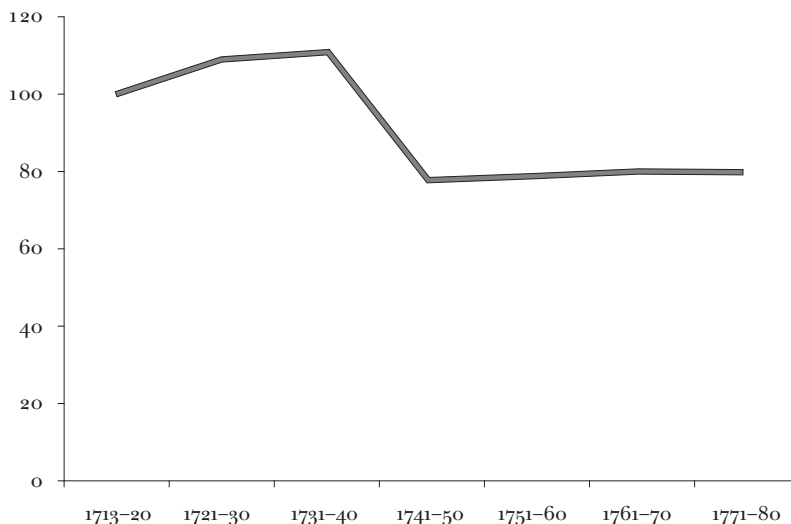

рис. 3.7. Индекс реальной заработной платы петербургских плотников²⁰⁹.

на индекс «душевого обращения». Полученный таким путем нормированный индекс цен на рожь изображен на рисунке 3.6. Исключение инфляции дает существенно иную картину, чем исходный индекс цен. Оказывается, что реальное падение цен в 1750-х годах было значительно большим, чем номинальное, то есть эффект организации транспортировки хлеба с Черноземья был чрезвычайно важным. Однако затем рост цен возобновился и был очень значительным — это и была основная тенденция, определяемая ростом населения.

Рост цен в теории свидетельствует о падении потребления, но более надежным в этом отношении параметром является реальная заработная плата. Однако условия крепостничества деформировали рынок рабочей силы и искажали реальную цену на труд. С одной стороны, затрудненность перехода крестьян в города создавала там дефицит рабочей силы даже с учетом распространения отхода, с другой стороны, крестьяне-отходники должны были платить оброк помещикам; этот оброк, естественно, включался в стоимость рабочей силы и его динамика влияла на динамику заработной платы. В частности, увеличение оброка, наблюдавшееся во второй половине XVIII века, при условии постоянства в действии других факторов должно было бы привести к *росту* реальной заработной платы.

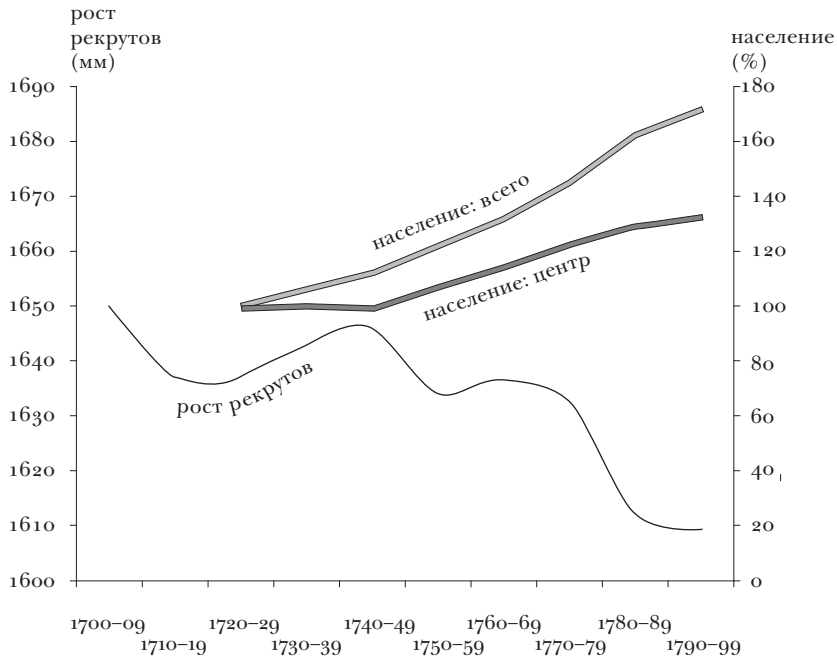

рис. 3.8. Численность населения в Центральном районе и на территории всей первой ревизии в сопоставлении с данными о росте рекрутов (по годам рождения)²¹⁰.

Таким образом, как рост оброка, так и ограничение отхода, *завышали* действительный уровень реальной заработной платы. Кроме того, представительные данные о динамике оплаты труда имеются только для Петербурга, куда отход был затруднен в силу географического положения столицы. Таким образом, имеются все основания считать существующие данные о реальной заработной плате в Петербурге для второй половины XVIII века существенно завышенными. Как видно из рисунка 3.7, эти данные говорят о значительном падении реальной заработной платы в 1740-х годах, но не показывают дальнейшего уменьшения.

Поскольку индекс реальной заработной платы в условиях крепостничества искажает картину динамики потребления, то современные исследователи часто используют биометрическую информацию, в частности, данные о росте рекрутов. Рост рекрутов в традиционном обществе, не испытывающем влияния усовершенс-

твований в здравоохранении, очевидно, тесно связан с величиной потребления, и кривая роста рекрутов на рисунке 3.8 до некоторой степени заменяет кривую потребления в обычной логистической схеме. При рассмотрении этих данных необходимо, однако, учитывать, что рост рекрутов, родившихся, скажем, в 1740-х годах отражает не только уровень жизни в эти годы, но и положение в период до призыва рекрута, то есть также и в 1750-е годы. Таким образом, при сохранении общей понижательной тенденции динамика изменений в действительности была менее конкретной, чем это может показаться из рисунка 3.8. Тем не менее из имеющихся данных можно сделать вывод, что в 1710–1720-х годах имело место резкое падение уровня жизни населения, но в 1740–1750-х годах положение улучшилось, очевидно, за счет колонизации Черноземья. Затем уровень жизни снова падает, и особенно сильное падение приходится на время кризиса 1780-х годов. В целом эта картина соответствует демографически-структурной теории: рост населения сопровождается падением потребления, однако необходимо учитывать также структурную динамику, в частности, увеличение давления государства и элиты на крестьянство, что ускоряло темп падения уровня жизни и приводило к временным кризисам, таким, как кризисы 1724–1726 и 1787–1788 годов. Эти кризисы отчетливо видны на графике динамики естественного прироста (рисунок 2.2).

Необходимо также учитывать динамику колонизационного процесса; в колонизируемых областях уровень жизни был выше, чем в Центре, и население там росло быстрее. Кроме того, с 1740-х годов стал более интенсивным подвоз продовольствия с Юга в Центральные области, что сделало возможным организацию обмена ремесленных изделий Центра на хлеб, и улучшило продовольственное положение. Население Центральных областей вновь стало расти, хотя этот рост был медленным.

После 1760-х годов положение стало постепенно ухудшаться, и временно ослабевшее Сжатие вновь усилилось, причем причиной этого усиления был не только рост населения, но и увеличение ренты.

В итоге можно считать, что общее поведение цен и потребления, во всяком случае, с середины XVIII века соответствовало прогнозу демографически-структурной теории: рост населения сопровождался ростом цен и падением потребления. До 1760-х годов тенденции в ценах и потреблении были неустойчивыми и определялись взаимодействием трех факторов: роста населения, расширения экологической ниши за счет колонизации Черноземья и перераспределения ресурсов внутри структуры «государство – элита – народ». Колониза-

ция Черноземья привела, в частности, к существенному падению цен и увеличению потребления в 1740–1750-х годах, а перераспределение ресурсов — к падению потребления в 1720-х годах. Перераспределение ресурсов сказывалось на динамике потребления и далее, во второй половине XVIII века.

3.10. ВЫВОДЫ

В какой мере трехфакторная модель может объяснить развитие России во второй половине XVIII века?

Изучение диффузионных процессов показывает, что в 1750-х годах в Россию пришла новая волна диффузионного влияния, исходившая из Пруссии. Петр III предпринял первую попытку трансформации по прусскому образцу, но она вызвала *традиционалистскую реакцию* и военный переворот 1762 года. Этот переворот означал новое — и на этот раз решительное — поражение диффузионного абсолютизма. В ходе этой «дворянской революции» и в последующие десятилетия произошла новая *трансформация структуры*, включавшая освобождение дворянства от служебных обязанностей перед государством и превращение его в сословие независимых собственников, отягчение крепостного права, приблизившее положение крепостных к положению рабов, масштабное перераспределение ресурсов в пользу дворянства, выразившееся в резком сокращении реального размера налогов и росте ренты. Дворянство получило в свои руки власть на местах и в значительной мере определяло политику правительства. Это означало превращение этатистской монархии в служащую интересам элиты дворянскую монархию. Вестернизация приобрела отчетливо элитарный характер и служила теперь не интересам государства, а потребительским целям элиты. Произошла смена приоритетов с военного и экономического реформирования по шведско-голландскому образцу на перенимание элитарной французской культуры.

Дворянство оказывало давление одновременно на государство и крестьянство. Сокращение государственных доходов привело к ослаблению государства и армии. С другой стороны, рост ренты привел к искусственному сужению экологической ниши и структурному кризису 1787 года. Кризис 1787–1788 годов был переломным моментом, заставившим как правительство, так и дворян, осознать тяжесть положения крестьянства. Дворянство было вынуждено на время смириться с невозможностью увеличения ренты, и более того, в резуль-

тате инфляции она стала уменьшаться. Со своей стороны, правительство впервые обратилось к мерам, которые в период Сжатия проводят многие государства, и Павел I ограничил размеры крестьянской барщины. При Павле I монархия вновь предприняла попытку трансформации по прусскому образцу: она на время вышла из подчинения дворянства, попыталась регулировать отношения между сословиями и перераспределять в свою пользу экономические ресурсы. Это позволило увеличить военные расходы и усилить армию, но в конечном счете конфликт с дворянством привел к государственному перевороту и гибели Павла I.

В целом анализ в рамках трехфакторной модели показывает, что XVIII столетие было периодом колонизации и роста России как в отношении территории, так и в отношении численности населения. В 1730-х годах в Центральном районе появились первые признаки Сжатия, но в 1740–1750-х годах колонизация Черноземья и организация торгового обмена между Черноземьем и Центром позволили отчасти разрядить ситуацию и увеличить потребление. Но в дальнейшем тенденция к уменьшению потребления снова возобладала. На эту общую картину накладывалась структурно-демографическая динамика, состоявшая из ряда трансформаций структуры, каждая из которых вызывала отток ресурсов от народа и структурный кризис.